

Н. В. Крупина

**Подарок  
от  
Снегурочки**

*Сентиментальные новеллы*

«Цицero»  
Челябинск  
2010

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)  
К84

**Крупина Н. В.**

К84 Подарок от Снегурочки : Сентиментальные  
новеллы. — Челябинск : Цицеро, 2010. — 172 с.

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-91283-049-5

© Крупина Н. В., 2010  
© Разбойников А. В.  
оформление, 2010  
© Капитонова Н. А.,  
предисловие, 2010

## Доброго и долгого пути

Можно сказать, что журналистка челябинского телевидения Наталья Крупина «ворвалась» в детскую литературу Южного Урала. Только успела выйти из печати ее сказка «Удивительные приключения близнецов Василисы и Кристины на хуторе Колдуны» (2006), как появились сказки о цветах в сборнике «От 7 до 17» (Писатели Южного Урала — детям) (2007). Через год выходит книга рассказов для детей «Гарнизонные дети». Все эти книги объединяет то, что их автор прекрасно знает детей, умеет говорить о них с любовью и юмором. Эти книги пустило «в плавание» издательство Марины Волковой. Стало окончательно ясно, что в Челябинске появился новый талантливый детский писатель, что мастерство его растёт от книжки к книжке.

Наталья Крупина родилась далеко от Урала, в Риге, в семье военного. Ее книга «Гарнизонные дети» не выдумана, она и сама в детстве жила не в одном военном городке. У нее рано погиб отец. Училась в Московском государственном

институте культуры, работала актрисой, режиссером, преподавателем сценического мастерства. С 1984 года живет с семьей в Челябинске. Руководила районной театральной студией, творческими коллективами, которые не раз становились призерами разных конкурсов, выезжала с ними за рубеж. Сейчас Наталья Валерьевна работает на студии телевидения и в детских коллективах.

Писать начала еще в юности. Это были стихи, они печатались в периодике. Наталья Валерьевна вернулась к ним позднее, уже в Челябинске. Некоторые ее стихи нашли своих композиторов и стали песнями.

Свою первую сказочную книгу о близнецах Василисе и Кристине она написала, когда подросли дочери, когда накопился опыт общения с детьми. И за четыре последних года у нее вышло несколько книг для детей. Но писательница стала известной не только на Южном Урале. Наталья Крупина первой из детских писателей Южного Урала стала известным автором за рубежом. Ее произведения в номинации «Детская литература» в 2008 году заняли второе, а в 2009 году — третье место в Международном литературном конкурсе «Русский stil», который проводится в Германии уже третий год и предваряет Международный литературный фестиваль. В конкурсе ежегодно принимают участие более тысячи авторов из многих стран мира. Награду, полученную

в этом конкурсе, литераторы считают своеобразным «Оскаром» для писателей и поэтов. В конкурсе 2009 года приняла участие еще одна челябинка — Марина Юрина, редактор книги, которую вы держите в руках. Марина заняла второе место.

В этом же 2009 году Наталья Валерьевна завоевала «золото» в номинации «Литература для детей и юношества» на фестивале русскоязычных писателей «Литературная Вена». Это наша особая гордость, если учесть, что на фестиваль было прислано более двух тысяч работ. Произведения Натальи Крупиной вошли в международные альманахи русскоязычных писателей — победителей литературных конкурсов.

И хобби у нее удивительное — графология, малоизученная наука. В Челябинске вышла интересная книга «Популярная графология», написанная Натальей Крупиной в соавторстве с уральским графологом Михаилом Лабо. Работа доступна и старшеклассникам. Казалось бы, вот ее дорожка — детская литература, сказки, рассказы. Однажды писательницу спросили, почему она пишет сказки для детей. Она ответила: «Наверное, потому что мне, как и многим, в жизни чуточку не хватает сказки... чуда. И мне нравится это чудо создавать своими руками...» Но, оказывается, писательница создает чудо не только для детей и не только в сказках, но и в рассказах для

взрослых! Не случайно ее фантастический рассказ «Сбыча мечт» (из жизни телевизионщиков) занял второе место в российском конкурсе фантастики «Молекулярное кафе»(2009).

И вот первая книга Натальи Крупиной, адресованная взрослым, — «Подарок от Снегурочки». Новеллы о женщинах, мечтающих о любви, умеющих любить, готовых идти на подвиги, творить чудеса ради любви. Эти новеллы проникнуты такой добротой, такой верой в чудо, что кажутся сказками для взрослых. Тот, кто прочитает «Подарок от Снегурочки», легко согласится с этим.

Хочется пожелать автору доброго и долгого писательского пути на радость детям и взрослым.

**Н. Капитонова**

## ПОДАРОК ОТ СНЕГУРОЧКИ

С белого на белое падал прозрачный снег, заботливо заполняя собой пространство между небом и землей. До Нового года оставалось шесть часов.

Неподалеку от ворот двухэтажного коттеджа остановилась темно-синяя «газель». Из кабины вышел хмурый Дед Мороз и озабоченно хлопал себя по бокам руками в красных рукавицах. Найдя, наконец, пачку «Явы» и щелчком выбив из нее сигарету, он приподнял рукой капроновые усы и жадно закурил.

Немолодая, усталая Снегурочка, выходя из «газели», оступилась и уселась в сугроб. Огорченно помянув дворников и многоснежную зиму, она поднялась и стала вытряхивать снег из белых полусапожек.

Последняя елка. Через час они переоденутся в «гражданскую» одежду и отправятся каждый к себе домой — пулять в потолок пробками от шампанского и наслаждаться

традиционным оливье. И, конечно, раздавать новогодние подарки.

Марго любила дарить подарки! Ирина — ее старшая сестра — уверяла своих подруг, что Марго — ясновидящая. Стоило Ирине открыть для себя в «Этуали» умопомрачительно «вкусные» и столь же умопомрачительно дорогие духи, как Марго тут же дарила ей именно эту линию. Едва Виктор — Ирнин муж — задумывался о смене «одежки» в салоне автомобиля, он тут же получал в подарок чехословацкие чехлы на сиденья. А о Диньке и говорить нечего. Как только у любимого племянника возникало желание заняться в новом году фотоделом (программированием, дайвингом, велоспортом), тот находил под елкой фотоаппарат, снаряжение для подводного плавания или ноутбук.

А вот себе самой Марго подарки никогда не покупала. Нет — одежду, обувь она приобретала по мере необходимости, а вот выбрать себе «настоящий» новогодний подарок как-то не получалось. Хотелось себя порадовать чем-то необычным, волшебным. Чуда хотелось! А в магазинах чудесами не торговали. Ни в «секонд хэндах», ни в дорогих бутиках. И она бы опять ничего себе не купила, если



бы случайно не увидела на центральном рынке... пингвинов.

Игрушку продавала старушка в такой же древней, как она сама, траченной молью каракулевой шубе. Рядом с кружевными салфетками, хрустальными салатницами и потемневшей чеканкой на прилавке стояло чудо. Стекланный шар, внутри которого, держа друг друга за крылья, застыли три пингвина. Стоило встряхнуть безделушку, как над пингвинами начинал кружить мелкий серебристый снег, медленно и волшеббно опадая на черно-белые фигурки.

Не веря своим глазам, Марго схватила пингвинов и выложила за них все, что было в кошельке, озадачив старушку своей щедростью. Затем она заглянула в магазин «Подарки» и попросила упаковать пингвинов в нарядную коробку. Марго улыбнулась, представив, как спрячет свой подарок под елку, а с последним ударом курантов достанет, медленно снимет с коробки цветную фольгу... Ирине и Виктору скажет, что устала, а сама устроится в Динькиной комнате у окна. И устроит снежную бурю в пингвиньем царстве. И негромко скажет: «Жили-были три пингвина. Пик. Пак. Пок...»

Она помнила все. Она снова и снова проживала тот самый год от августа до марта, словно вращаясь на карусели, которую карусельщик завел, а остановить не может. Театральное училище. Четвертый курс. Пингвины. Игорь.

Точно такую же игрушку много лет назад ей подарил Игорек Яровец. Первая и последняя любовь белокурой Ритки Королевой, которую с его легкой руки все в училище стали называть «Королева Марго».

У Игорька была ангельская внешность. Синие глаза, с чуть припухшими нижними веками, приподнятые уголки губ — словно начало улыбки у Джоконды. Тонкий нос. Белая кожа. И — шрам на подбородке. Белый — в виде летящей ласточки — шрам придавал его лицу выражение детской чистоты и беззащитности.

Когда на чьем-то дне рождения Игорь впервые поцеловал Марго, она едва не потеряла сознание от счастья. Стали встречаться, потом сняли квартиру на окраине города.

А на Новый год он подарил ей пингвинов. Назвали их Пик, Пак, Пок — по именам героев детской книжки. Самый красивый был Пик — Игорек, второй — с белым хохол-

ком — Пак — это она, Марго, а третий... третий — Пок — их будущий сын. Будущий — в далеком, очень далеком будущем, не сейчас...

Так они и жили.

Через три месяца, в марте, Марго сказала Игорьку, что беременна. Думала — обрадуется. А он испугался:

— С ума сошла? Мне ребенок не нужен. Через месяц у Григорьева прослушивание в мастерской. Я точно пройду! А ребенок — это твои проблемы. Решай их сама. Думай!

Она поплакала, подумала. А потом отправилась делать аборт. Не в больницу. Какая больница! Прописка временная, в общежитии. Направление обязательно брать в медпункте у Розы Моисеевны — старой девы с ослиным лицом. Сегодня возьмешь — завтра все учинишь, включая сторожа, будет знать, что Королёва «залетела» от Яровца и идет на аборт.

Марго знала, что у Алки Шигаевой есть знакомая медсестра, которая делает аборты за небольшие деньги. С Алкой и поехали на квартиру медички. По дороге Марго узнала, что медсестра — и не медсестра вовсе, а обычная санитарка в кожвендиспансере. Впрочем, какая разница — лишь бы свое дело знала.

Приехали, зашли. Квартира у Раисы оказалась маленькой, углы заставлены банками с помидорами и огурцами. В кухне за столом сидела девчонка лет пятнадцати и мазала грязные ногти дешевым лаком.

— Это дочка Раисы Васильевны, — шепнула Алка. — Поверишь, девице пятнадцать, а мамашка ей уже три аборта сделала! Видишь, жива-здоровая. Так что тебе и подавно не стоит волноваться.

Раиса протерла засаленной тряпкой кухонный стол и скомандовала:

— Раздевайся и ложись.

Марго растерянно уселась на холодную клеенку. Клеенка была липкой и пахла селедкой.

— Не бойся, никаких чисток не будет — всего лишь клизмочка с водкой, — успокоила ее Раиса, набрала в большую резиновую грушу прозрачной жидкости из трехлитровой банки и подошла к столу...

Пока Алка вела Марго к автобусу, боль была терпимая, но потом живот и поясница заболели так, словно все внутри страшно и безжалостно кромсали садовыми ножницами. Дома, лежа на кровати, Марго корчилась от нечеловеческой боли, едва сдерживаясь, чтобы не закричать во весь голос. От

боли рвала под собой простыню. Удивлялась потом, как не сошла с ума. Как не умерла от заражения крови.

На четвертый день, бледная до синевы, отправилась в училище, получила взбучку от режиссера за пропуски и от хореографа — за то, что отказалась заниматься у станка.

Игорек с их съемной квартиры съехал, долгое время обходил Марго стороной, потом неожиданно женился на дочке главного режиссера драмы — анемичной блеклой трагедистки Элке Мартушевич — и после дипломного спектакля устроился к тестю в театр.

А у Марго в душе осталась болезненная пробоина, словно ее душу прошило шершавым ядром с пиратского корабля.

От воспоминаний она сбежала на Алтай, к бабушке. Устроилась во Дворец культуры режиссером театральной студии, время от времени подрабатывала на елках. Пингвины где-то потерялись, а Игорек так и остался ее первой и последней любовью. А что потом в жизни было? Посиделки с незамужними подругами, редкие походы в кино, воспоминания. И надежда...

Потом она вернулась в родной город, к сестре. Бывший однокурсник Юрик Мирошни-

ченко предложил ей поработать Бабой-Ягой на корпоративных вечеринках и Снегурочкой на детских елках. Марго согласилась. Через несколько месяцев появились постоянные клиенты.

Один из них — Кирилл Сергеевич, владелец рекламного бюро, попросил Марго и Юрика приехать тридцать первого декабря в шесть вечера к дочери, романтической барышне тринадцати лет, которая все еще верила в Деда Мороза. Марго согласилась сразу. Торопиться ей было некуда — сестра обычно накрывала праздничный стол сама, а подарки Марго еще с утра положила под елку. Юрик сначала отнекивался, но когда Кирилл Сергеевич озвучил сумму за полчаса работы, немедленно согласился.

...Марго вытряхнула снег из сапога, поправила съехавший на лоб парик и поплелась к коттеджу. Юрик подхватил посох и мешок с подарками и потопал следом, оставляя на тонкой простыне свежего снега косолапые следы. Вдоль дорожки выстроились облезлые дощатые киоски, в которых предлагали пиво, крабовые чипсы и похожую на плоские бурые деревяшки воблу.

Марго редко подавала нищим — только старушкам, и только у церкви, — и не задержалась возле пьяного бомжа с разбитой губой, который пристроился на железном ящике у одного из киосков. У ног попрошайки стояла коробка с мелочью. Из рукава замызганного пуховика демонстративно выглядывала культия.

Марго уже подошла к воротам коттеджа. Юра замешкался, наклонился к бомжу, о чем-то спросил, затем протянул мелкую купюру.

— С ума сошел! — напустилась на партнера Марго, когда тот, наконец, подошел к воротам. — Мы опаздываем, а ты с бомжами любезничаешь.

— Да ты что, мать, Игорька не узнала?

— Какого Игорька?

— Яровца.

Марго будто с размаху в солнечное сплетение ударили. Ей даже показалось, что она на мгновение потеряла сознание. А дальше... Дальше она автоматически двигалась, автоматически проговаривала свой текст, отвечала на комплименты Кирилла Сергеевича, улыбалась дежурной улыбкой. Когда шли обратно, она заглянула в лицо бомжу — и со-

дрогнулась от жалости. Тот протянул к Марго культяпку и монотонно завел свое привычное:

— Подайте ветерану военных действий!

Марго заметила на груди инвалида табличку с надписью: «Подайте раненому в АВГАНИСТАНЕ».

— Он что, воевал? — спросила она у Юрика, безуспешно пытаясь вытащить трясущейся рукой сигарету из его пачки.

— Это ты о табличке с «АВганистаном»? Бутафория чистой воды.

Юрик ловко вставил между капроновыми усами и бородой две сигареты, прикурил, заслонив руками от ветра, одну протянул Марго.

— Руку по-пьянке отморозил, ампутировали. Вот, побирается теперь. Живет у какой-то бабы...

— Дочки Мартушевича?

— Да бог с тобой! Элка его через два года из папиных апартаментов выпнала. Он же в театре никого своим вниманием не обделял, даже древних клюшек из массовки. Потом, когда Мартушевич его из драмы выкинул, он в кукольный устроился. И все по-новой. В общем, оставил биологический след в искусстве.



— Какой ужас!

— Из кукольного его тоже попросили. И больше ни в один театр не брали — Элкин папа постарался — осерчал на зятя-кобеля. Ладно, поехали, меня дома семейство ждет. Марго, эй, ты меня вообще слышишь???

...Марго вспомнила, как на практике в камерном театре Игорек играл Орфея в пьесе Тенесси Уильямса «Орфей спускается в ад». Талантливо играл. Страстно. Страшно. Как в финале, прижимая к груди мокрые от слез букеты, выплескивались неудержимой волной на сцену женщины. Как старались, будто бы случайно, прикоснуться к этому ангелу с полуулыбкой Джоконды и «ласточкой» на подбородке. Как медленно уходил он со сцены, оставляя залу свою утомленную, обаятельно-порочную улыбку. И как она, Марго, прижималась к нему всем телом и жадно впитывала матрицу его бешеного успеха. И целовала его в «ласточку» на подбородке, ощущая себя избранной, счастливейшей из женщин...

— Юр, подожди меня в кабине, — неожиданно попросила партнера Марго, взяла сумку и направилась к калеке.

Прохожие с удивлением оглядывались на Снегурочку, которая опустилась в грязный

снег перед калекой-бомжем. У Снегурочки были мокрые глаза — должно быть, от быстро тающего снега. Тушь поплыла, предательски заполняя все невидимые до сих пор морщины.

Марго с жадностью всматривалась в когда-то любимые глаза. В сизые, со сгустком подсохшей крови губы, впалые щеки с неопрятной бурой щетиной. Ничего не осталось от блистательного Игорька Яровца! Ничего! Только глаза — синие, с жестким прищуром — остались прежними.

Марго с трудом проглотила горький комок, так некстати образовавшийся в горле, и хрипло сказала:

— Здравствуй, Игорь. Это я... Королева Марго!

Бомж сплюнул желтую струйку слюны сквозь зубы и, пытаясь сфокусировать взгляд на женщине, пробормотал:

— Верка, ты, что ли, б...? На бутылку дай, с...!

Марго, помедлив минуту, поставила перед ним яркую коробку и прошептала:

— С Новым годом, Пик!

Инвалид прижал культей коробку к животу и принялся раздирать здоровой рукой

цветную фольгу. Достав шар с пингвинами, он с недоумением уставился на игрушку. Перевел взгляд на Марго, затем выругался и запустил игрушкой в стену киоска. Брызнули в стороны осколки тонкого стекла.

В дверях киоска показалась толстуха в мохеровой шапке.

— Я тебя, козел вонючий, щас в ментовку сдам, — прокуренным голосом заорала тетка. — Опять куролесишь? Мало тебе, пьянь, в прошлый раз пацаны навешали? Еще хочешь? Щас устрою. Коля, Коль!!!

Бомж с готовностью ответил ларечнице грязной площадной бранью. Где-то залаяли потревоженные собаки.словно по команде зажглись фонари, осветив странную, непридуманную мизансцену...

Марго поднялась и решительно отряхнула холодную грязную кашу с колен. Медленно падал снег, стыдливо закрашивая белой краской ларек, тетку, бомжа, бурю слякоть на дороге.

— Марго, ты что, остаешься? — нетерпеливо крикнул Юрик.

Закрыв глаза, она подставила снегу лицо и с удивлением почувствовала, как исчезает многолетняя саднящая брешь в ее душе.

«Свободна!» — поймав языком невесомую ментоловую снежинку, подумала Рита Королева и поспешила к синей «газели». До Нового года оставалось пять часов.

## ДВОЕ ПОД СТОЛОМ

Худошавая, немолодая женщина неподвижно сидела в пустой полутемной студии. В здании, кроме нее и вахтера, не было ни одной живой души.

Хотя... нет, еще одна живая душа, пожалуй, была... Где-то за декорациями шуршала, маясь бессонницей, старая телевизионная мышь.

Моноotonно тикали часы над разошедшимся студийным трюмо: цок-цук-цок. Слово из прохудившегося крана сочилось по капле время...

Сегодня ночью часы перевели. Утром времени стало на час больше, вечером — на час меньше.

«А вдруг, — подумала Людмила, — для кого-то этот вечерний час был жизненной необходимостью! А его взяли и — чик — так безжалостно отстригли!»

Людмиле лишний утренний час был абсолютно ни к чему. Вчера вечером она забыла

перевести часы и теперь коротала время в пустой полутемной студии одна-одинешенька.

На областном телевидении Людмила работала пятый месяц. В театре кукол ее ставку сократили еще до Нового года.

По воскресеньям и средам в большой студии записывали детскую передачу, в которой Людмила играла Незнайку. Точнее — озвучивала куклу из папье-маше. На постаменте за высоким столом-башней сидела рыжая добродушная журналистка Ксюша — ведущая программы, а внизу, под столом, — за деревянной ширмой, — оживляли и озвучивали своих кукол Людмила и Мазай — талантливый актер и запойный алкоголик.

Напуганная в детстве скандалами отчима, Людмила избегала пьющих, поэтому каждая съемка с нетрезвым Мазаем была для нее пыткой.

Людмила надела на руку тряпичного Незнайку и бездумно уставилась в выпуклые пустые глаза куклы. Затем пошевелила кукольными руками и пропищала:

— Здравствуйте, ребята. Вы меня узнали? Это я, Незнайка. Я не умею умываться, одеваться, чистить зубы, я вообще ничего не умею...

«А я все это умею, — подумала Людмила, погладив кукольной рукой себя по щеке, — но разве это имеет какое-то значение? Нет. Все это несущественно. Несущественно то, что соседка по коммунальной квартире постоянно занимает все конфорки в кухне, а ее хамоватый муж, сидя в туалете, курит одну за другой дешевые вонючие сигареты. И то, что в театре сократили, а на телевидении платят гроши. Все это мелочи. Ме-ло-чи!»

Легкий, неизвестно откуда взявшийся сквозняк призрачной ладонью провел по ее спине. Людмила вздрогнула и зябко скрестила руки на груди. Казалось, забытая на руке игрушка доверчиво обнимает свою хозяйку пухлыми тряпичными ладошками за плечо. Людмилиной руке в мягком фланелевом теле Незнайки было тепло и уютно.

— Как я хочу отдохнуть от этого бесконечного марафона! — пожаловалась ему Людмила. — Хоть месяц. Хоть неделю. Ох! Опять сердце прихватило. Давай-ка, дружок Незайка, лекарство примем...

Людмила сняла куклу с руки, бережно усадила на трюмо и достала из сумки таблетки и пластиковую бутылку с чаем. После того как врачи поставили ей неутешительный

диагноз, Людмиле приходилось принимать лекарство по часам.

— Это, Незнайка, хорошие таблетки. Только ишемию ими не вылечишь. Нужна операция. А на операцию нужны денежки. Вон, взгляни, какое хорошее письмо мне подруга написала.

Людмила достала ветхую матерчатую косметичку, в которой лежало письмо от Любаши — ее единственной институтской подруги — и три тысячи рублей — половина телевизионной зарплаты. Все-таки Люба — настоящий друг. Выбила, выходила, вымолила в столичной клинике возможность бесплатной операции. Да что толку! Все равно надо выкупать лекарства, и неделя в стационаре — тоже удовольствие не из дешевых. На все это нужна астрономическая сумма — пятьдесят тысяч.

Людмила, наверное, уже в десятый раз пробежала глазами по ровным строчкам письма и сунула его в косметичку.

— Странно, — прошептала она, баюкая куклу. — Как тихо! Как будто никого нет в целом мире. Остались я и Незнайка. Сейчас он оживет, и мы будем болтать обо всем на свете...



— Привет служителям Мельпомены! — В студию вошел никогда не унывающий звукорежиссер Стас и включил дежурный свет. — Что это вы, Людмила Ивановна, одна в полутьме сидите?

— А я не одна. Мы тут с Незнайкой про жизнь беседуем.

— Уж свет — вы на ногах... и нет от вас покоя. — Слегка помятый, легко небритый Мазай, распространяя вокруг похмельное амбре, подошел к Людмиле и Стасу.

— Ты бы хоть одеколон пил, что ли, — поморщилась Людмила. — От тебя же сивушным духом на километр несет!

— Милая, от меня пахнет благородным напитком на хмелю, а от тебя — нафталином! — невозмутимо парировал Мазай.

Людмила хотела ответить что-нибудь резкое, но тут разом ввалилась вся съемочная группа во главе с режиссером, и начался обычный телевизионный аврал.

— Боб, задник поправь! — простуженно орал из аппаратной по громкой связи режиссер Игорь Алексеевич, которого на студии все называли просто Гошей. — Ну ты что, ослеп? Он же кривой! И снимите кто-нибудь с Ксюши синий шарф — из-за него рир к черту

сыплется! Сколько раз говорить — нельзя работать в синем. Дима — дай боковой свет. Стас, что с фонограммой? Почему она заикается?

Ассистент режиссера Лиля протянула Людмиле и Мазаю рабочие сценарии и прикрепила к воротникам «петлички» — крошечные микрофоны. Людмила никак не могла привыкнуть к тому, что работать приходится с листа, без репетиции. Но помалкивала, боясь лишиться работы.

— Кукловоды — под стол! — заорал Гоша, и Людмила с Мазаем послушно отправились за ширму.

— Мотор, начали! — рявкнул режиссер.

— «Здравствуйте, ребята, — сладким голосом запела где-то под потолком рыжая Ксюша. — Вот и опять мы встретились с вами в нашей уютной кукольной гостиной».

— Ма зай, дыши в сторону, — взмолилась Людмила.

Кукловоды стояли, тесно прижавшись друг к другу, в одной руке каждый держал куклу, в другой — текст.

— Перебьешься, — буркнул партнер и намеренно громко заорал прямо над ухом Людмилы: — «Здравствуйте, тетя Ксюша. Я так рад вас видеть!»

Людмила вздрогнула и тихо выругалась.

— «А ты, Незнайка, почему не здороваешься?» — зефирным голосом проворковала Ксюша и несильно ткнула Людмилу коленом в плечо: та чуть не пропустила свою реплику. Писали большими фрагментами, и, замешкайся она еще на секунду, переписывать пришлось бы весь эпизод с самого начала.

— Все, перекур, — наконец махнул рукой оператор Влад, снимая наушники и спускаясь с крана.

В студии тотчас все пришло в движение. Словно чертик из табакерки, из осветительской выскочил Дима и принялся поправлять на заднике невидимые складки.

Людмила отошла в сторону и достала свои таблетки. Сердце болело все сильнее.

«Скорее бы все это уже как-нибудь закончилось», — подумала она, запивая таблетку чаем.

— Что, сушняк замучил? — хихикнул за спиной Мазай. — Или под шумок коньячище хлещешь? Может, угостишь?

— Мазай, отвали по-хорошему, — еле сдерживаясь, чтобы не вылить чай на голову партнеру, попросила Людмила.

— Я в храме телевизионного искусства. И ты не имеешь права меня отсюда выгонять.

— Паяц!

— Синий чулок! — парировал тот и направился к осветителям.

«Пошел водку пить», — подумала Людмила. Мазая она, кажется, ни разу не видела трезвым. А знакомы они были уже около трех лет. Три года назад талантливый актер Саша Мазаев устроился на работу в кукольный. Говорили, что он приехал из Мурманска. Семьи у Мазая не было. Хобби ему заменяла бутылка, друзей — местные алкоголики...

— Ты бы хоть выражение лица поменяла. А то ведь у телевизионных тараканов повальные обмороки. — Мазай уже отметил в осветительской и, придя в приятное расположение духа, опять маячил рядом. — Слушай, а может, от тебя любовник сбежал? Хотя вряд ли. У тебя?! Любовник?! Нонсенс! О, о, о! Какой взгляд! Презрением ошпарила меня величественно грезящая нимфа! У меня в душе катарсис!!!

— Перманентный запой у тебя, а не катарсис, — отозвалась Людмила. — Из кукольного тебя вышибли, из драмы тоже. Даже из школьного театрального кружка попросили. Думаешь, здесь будут вечно терпеть твои пьянки?

— Алё, тебе не надоело? Зудишь, зудишь, как осенняя муха. Ты мне кто? Никто. Так — случайный партнер под столом. Так что бери своего Незнайку и не жужжи.

— Глаза бы мои тебя не видели.

— Прикрой и не зри!

— Работаем дальше! По местам! — прохрипел из аппаратной Гоша, и все с неохотой разошлись.

— «Я не только незнайка — я неумейка», — пропищала Людмила, чувствуя, как сердце судорожно выбивает неритмичную дробь. — Я не умею умываться, одеваться, чистить зубы, я вообще ничего не умею. Но зато я хочу тонну мороженого, две тонны чипсов и море газировки. А ты, Любознайка?»

— Стоп, — опять заорали сверху. — Ну кто так свет выстраивает! Дим, у тебя что, астигматизм? Ты куда прожектор поставил? Опять рир сыплется! Дай шестой и восемнадцатый. Поправьте же кто-нибудь задник! Что там за хвост торчит?! Любознайка, замри, я картинку настрою. Я сказал «замри», а не «трясись». Мазай, у тебя опять тремоло — кукла ходунком ходит. Что, с утра не выпил — день пропал?! Сколько можно водку жрать! Может, тебя закодировать?

— Шеф, ни в одном глазу! — обиженно выглянул Мазай из-под стола. — Шкаф передвигал, перенапрягся, вот рука и дрожит.

— А рояль ты не передвигал? Так, продолжаем. У меня время записи заканчивается, а мы с места не сдвинулись. Людмила Ивановна, с третьего абзаца.

— Да-да, конечно... «Любознайка, что это у тебя?»

— «Это скворечник. Вернее, пока это только дрова».

— Что... это?! — сорвался на фальцет Гоша.

— Дрова...

— Мазай, блин!!! Какие дрова? Где тут дрова? — причитал режиссер, скатываясь по железной лестнице со второго яруса, где находилась аппаратная. — Дай сценарий!.. Ну и где тут про дрова?.. «Пока это всего лишь доски».

— Да какая разница?!

— Для тебя, может, и никакой, а для меня — большая. Нас дети смотрят. Дрова, тёлки, тачки — это из другой оперы... Дальше по тексту...

— «Сегодня мы с Незнайкой расскажем о том, как смастерить скворечник для птиц, которые вернутся к нам весной».

— «А весной к нам прилетят...» — начала Ксюша и закашлялась.

— Иди попей воды, — прорычал режиссер. — Перекур.

— Интересно, если какой-нибудь нервный зритель взорвет эту дурацкую студию, куда пойдет работать Гоша? — раздраженно пробурчала Ксюша. — Наверное, в тюрьму главным злобным надзирателем. А я — в школу, вести кукольный кружок. Хоть нервы никто мотать не будет!

— А знаете, мне вчера ангел приснился, — неожиданно для себя сказала Людмила. — Будто я стою на берегу озера... У ног — вода чистая-чистая, такой и в природе-то не бывает. Сквозь нее видно, как на дне колышутся трава и листья. А на пригорке, сзади меня, — большой, обросший мхом камень. И вдруг на него садится белый голубь. Я стою к нему спиной, но почему-то вижу. Потом голубь превратился в девушку с белыми волосами и большими пушистыми крыльями. Она ко мне подошла. Обняла и повела прямо по этой прозрачной воде, как посуху... Что бы это значило?

— Это, наверное, ангел-хранитель к вам приходил, — убежденно сказала Ксюша.

— Я дома в соннике посмотрю, что ваш сон обозначает.

— А мне раз приснилось, что я в магазин пришел за бутылкой, — встрял в разговор Мазай. — А продавца нет. Я набираю-набираю беленькие, а потом вижу — на полу деньги лежат. Я хватаю их — и спрятал. Проснулся, в карман брюк на всякий случай руку сунул, проверить, а там — полтинник. Хотя точно помню: на дороге у Стаса накануне десятку стрельнул. Мистика!

Съемка закончилась. Людмила брела по улице и жадно глотала сырой осенний воздух. Он пах прелыми листьями и поздними грибами. Сердце уже болело так, словно его прокручивали через винт мясорубки. Сколько же еще осталось? Нужна операция — это единственный выход. А без операции — год-два максимум. Единственное утешение: в случае чего — никто кроме Любани плакать по ней не будет. Мужа нет. Детей тоже. Да и подругами не обзавелась.

Людмила открыла дверь коммунальной квартиры, поставила сумку на колченогую тумбочку и присела на стул. Соседей не было.

«Отдохну полчаса — и на почту. Надо бы сегодня за комнату заплатить». Людмила



раскрыла сумку, сунула руку внутрь... и оцепенела. Косметички с конвертом и тремя тысячами в сумке не было.

«Только не волноваться, — обливаясь холодным потом, подумала она. — Молния в порядке, дно не разрезано, значит, не щипачи. Косметичку я доставала в студии. Значит, там она и лежит».

Людмила сняла трубку телефона, перемотанного синей изолентой. Нужный номер она смогла набрать лишь с третьей попытки.

— Никакой косметички в студии нет, — равнодушно сообщил вахтер. — И после съемок ничего на вахту не приносили...

Людмила вытерла со лба холодную испарину. Кто-то взял косметичку. И она, кажется, знает, кто... На водку нужны деньги. У телевизионщиков иногда пропадали небольшие суммы, но ребята списывали это на собственную рассеянность.

«Сегодня я не стану его искать, — подумала Людмила. — Завтра и послезавтра съемок нет. А в среду я все ему скажу! Я при всех... я заставлю его покаяться! И пусть его выгонят. Правильно сделают».

Два дня она пролежала на диване, почти не поднимаясь. Даже соседи забеспокоились.

Несколько раз притихшие супруги заглядывали в комнату и предлагали Людмиле бульон и чай.

В среду бледная, с бурыми кругами под глазами она появилась на телевидении.

Саша Мазаев стоял у трюмо и скептически разглядывал в мутной амальгаме зеркала свою опухшую небритую физиономию.

Людмила подошла к партнеру, встала за его спиной и уставилась в глаза зеркального двойника Мазая немигающим, колючим взглядом.

— Косметичку ты взял?

— Я.

— Ты... я даже не знаю, как тебя называть после этого... Люди еще не придумали такого слова...

— Люсь, погоди. Ты ее забыла на трюмо. Я заглянул, а там бабки. А у меня тут такое событие... именины. Ну, не удержался, извини, займы взял. А потом письмо... случайно прочитал. Я же не знал, что все так плохо! Потом я кинулся тебя искать. А ты уже ушла... Вот, возьми.

Людмила выхватила из рук Мазая косметичку и зло рванула молнию. Из косметички брызнули в разные стороны зеленые бумажки и веером легли у ног.

— Это... что?

— Мы с Ниной на дом в Геленджике копили, — присев на корточки и подбирая долларовые сотни, глухо ответил Мазай. — А три года назад она... ее не стало. Я с тех пор к ним не прикасался. Не мог... Здесь — если по курсу менять — больше пятидесяти тысяч. Тебе же на операцию пятьдесят тысяч надо?

Он поднял голову и теперь, робко и беззащитно улыбаясь, смотрел на нее снизу вверх. Его испитое лицо — с сизыми в прожилках щеками — было странно близким, родным.

— Прости, не знала.

— А никто не знал. Зачем?

— Саш, я... — начала было Людмила.

— Ладно, все! Да, еще — пусть тебя твоя гипертрофированная совесть не грызет, — поднимаясь и протягивая ей купюры, уже другим, грубовато-насмешливым тоном бросил Мазай, — отдавать не надо: я все равно пропью...

Он сунул в руки оторопевшей Людмиле скомканные зеленые сотни и направился к осветителям.

— Людмила Ивановна! Я посмотрела в соннике. — К Людмиле подбежала возбужденная

Ксения. — Вы знаете, я не ошиблась — сон означает, что к вам явится ангел-хранитель и спасет вас от смертельной опасности! Беду отведет или еще что-то... В общем, что-то замечательное случится!

— Уже... — сдавленным голосом произнесла Людмила, — уже случилось. Минуту назад... — Она засмеялась, прижав к мокрым щекам косметичку.

— Все по местам! — рыкнул по громкой связи режиссер. — Почему свет не выстроен? У меня рир сыплется! Где осветитель, черт бы его побрал? Ксюша — за стол! Кукловоды — под стол!

Жизнь продолжалась...

## ДЖИНСЫ ДЛЯ ВЕТЕРАНА

От Преображенской площади до Черкизовской улицы — пять минут неспешной ходьбы. Это если не останавливаться возле газетных киосков и не глазеть на витрины универмага с унылыми манекенами внутри. Собственно, а что на них глазеть? Манекены все равно никто не переоденет в модные нынче джинсы, которые днем с огнем в Москве не найдешь. Днем — точно не найдешь! А вечером — сколько угодно, у фарцовщиков, что топчутся на Преображенском рынке возле туалета. Но за такие деньги...

За такие деньги можно, например, съездить на Черное море, сходить в ресторан «Останкино» и еще останется на то, чтобы неделю обедать в студенческой столовой.

Вика с досадой вздохнула. Ну почему, о чем бы она ни подумала, все сводится к этим синим штанам с кучей заклепок и лайбой на заднем кармане!

«Нам с тобой только о них и мечтать с нашей стипендией в сорок пять рэ», — ехидно показала она язык знакомому лысому манекену и свернула за угол.

Возле магазина, начинаясь у распахнутых стеклянных дверей и заканчиваясь где-то в необозримом далеке, клубилась очередь. Молодежи в петляющем «хвосте» практически не было. Только два-три юнца сновали от головы к хвосту очереди, вполголоса переговариваясь с пенсионерами, которые, собственно, и составляли данную очередь.

«Пижамы выкинули, — равнодушно подумала Вика. — Или кальсоны. На худой конец — тапочки. Ну а что еще? Не колготки же, в самом деле». Вика глупо хихикнула, представив почтенного седовласого старичка в шляпе, кокетливо поправляющего на варикозных ногах черные ажурные колготки со стрелкой.

Мимо, стуча тростью и гордо выпятив грудь, на которой теснилось десятка полтора орденов, прошествовал фронтовик. Он подошел к дверям и попытался было зайти в магазин.

— Без очереди не пущу, — развернулась к нему мощной грудью крепко сбитая бабу-

ля, и Вика с восхищением отметила, что на пышном бюсте у той теснится не меньшее количество медалей.

Ух ты, как интересно! Вика принялась наблюдать за необычной картиной.

— Без очереди не пускать, — занервничали сзади, — и вообще, больше двух штанов в одни руки не давать.

«Точно, кальсоны, — подумала Вика. — Импортные, должно быть. С начесом...»

Тем временем фронтовик принялся бесстрашно ввинчиваться в голову очереди.

— Ветераны без очереди, — упрямо бубнил он, работая локтями.

— Здесь все ветераны, — не сдавала позиций старушка с бюстом. — Штаны только по ветеранским отпускают!

В конце концов очередь выдавила упрямого деда на улицу и сомкнула свои стальные ряды.

«Что ж это за кальсоны такие, что из-за них такая суровая битва идет?» — изумилась Вика.

В этот момент из магазина выпал щуплый, малорослый дедок с орденскими планками на ветхом пиджаке. В руках он сжимал два синих импортных пакета с изображением

упругих ягодич, обтянутых джинсами. К деду тут же метнулись юнцы, «пасущие» очередь.

— Даю столярник... Полтора столярника! — услышала Вика.

— Не продам, — упрямо бубнил старый.

— Внук просил две пары купить.

— Зачем ему две пары? — принялся обрабатывать деда коротко стриженный парень в джинсах и свитере. — Седалище одно, внуку вашему и одной пары за глаза хватит. А на полтора столярника вы сможете жить припеваючи и в ресторане каждый день ужинать.

Стороны еще немного поторговались и разошлись, довольные друг другом. Дед деловито заковылял к хвосту очереди, а парень устроился возле тополя, недалеко от Вики, и достал из пакета джинсы! Темно-синие, длинные, с квадратными складками и с заветными лайбами на кармане и поясе. Парень изучил надписи на этикетке, затем аккуратно свернул джинсы и сунул их в пакет.

— Простите, — робко спросила Вика, — это что, очередь за джинсами?

— Ну, — односложно ответил ее собеседник.

— А сколько они стоят?

— Сорок.



— Сорок рублей? — ахнула Вика. В портфеле у нее лежала свеженькая, только что полученная стипендия — сорок пять рублей, из которой еще не было потрачено ни копейки.

— А почему...

— Отвали, — буркнул парень. — Штаны по ветеранским удостоверениям. Больше ничего не знаю. — Он отошел в сторону и замер в предвкушении новой жертвы.

«Фарцовщик, — догадалась Вика. — Сейчас скупит с полдюжины джинсов по сотне-полторы, а потом по двести—двести пятьдесят возле туалета “толкать” будет».

Умолять парня продать джинсы было бесполезно. Как бесполезно было просить кого-нибудь из ветеранов продать их за ту же цену, за которую они эти заморские штаны купили. Разумеется, старики покупали джинсы не для себя. Во всяком случае, в Москве Вика до сих пор не видела ни одного человека старше тридцати в этих модных брюках. Удивляло то, что по ветеранским продавали не семейные трусы, не носки и не пояса от ревматизма, а популярные заморские штаны. Хотя недавно однокурсница Вике рассказала, что в Сокольническом универмаге «выбросили»

детские прогулочные коляски. Их тоже можно было купить только по ветеранским.

— «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно», — огорченно жаловалась Вике Маринка. — Мы два часа Митькиного вредного деда уламывали. А он за это, представляешь, потребовал купить ему кресло-качалку! Пришлось обегать пол-Москвы, чтобы найти раритет. Мы с Митей всю его степуху за два месяца в это кресло вбухали. Хорошо еще — Митя по ночам грузчиком подрабатывает. А так — хоть зубы на полку из-за этого кресла!

«Может, мне тоже моего деда-ветерана попросить? — вяло подумала Вика. — Нет, не получится. Он ни за какие коврижки на улицу не выйдет. Всего боится».

Большой умница, в прошлом кардиолог, профессор одного из московских университетов, Семен Иванович уже года три вел себя, мягко говоря, неадекватно. Конечно, под себя он не ходил и мимо рта ложкой не промахивался, но в остальном был не более понятлив, чем трехлетний ребенок. Однажды, когда Вика, вернувшись из магазина, забыла закрыть за собой входную дверь, дед вышел в подъезд шестнадцатипятиэтажного дома и тут

же заблудился между этажами. Домой перепуганного старика привела соседка. В свои восемьдесят два дед не соображал, где и в какое время он живет. Каждый раз, когда Вика собиралась в магазин, он испуганно напутствовал ее: «Деточка, ты там осторожнее, под конку не попади». Иногда он забывал, как зовут Вику и кем она ему приходится.

Единственным человеком, которого Семен Иванович узнавал и с нетерпением дожидался у двери пятнадцатого числа каждого месяца, была почтальонка Нона, которая приносила ему пенсию. Дед радостно встречал ее у дверей, трясущейся рукой расписывался в квитанции и, довольный, отдавал пенсию дочери, Викиной маме. Та пересчитывала деньги, вручала деду бумажный рубль и прятала пенсию в шкаф. Дед тоже куда-то прятал свою заветную рублевую бумажку. Но Вике ни разу не удалось подглядеть, где у него тайник. Как-то она попросила у деда пятак на метро. Старик разнервничался до слез, его даже пришлось отпаивать корвалолом. Но пять копеек так и не дал. Больше Вика у деда денег не просила.

«Нет, дед не подходит, — вздохнула Вика. — А вот место на всякий случай надо

застолбить». Она уверенно направилась к хвосту очереди. Симпатичная бодрая старушка в розовой мохеровой кофте пообещала запомнить Вику, чтобы, когда та приведет подходящего ветерана, пустить их в очередь.

— Я бы тебе, милая, джинсы эти заморские по своему ветеранскому взяла, но мне очень деньги нужны, а вон тот молодой человек предложил за каждую пару сто рублей. Сто и сто — двести. Минус моих восемьдесят — будет сорок. Это полпенсии.

Вика понимающе кивнула и отправилась домой. Она вошла в квартиру, сунула портфель под вешалку и заглянула в комнату деда. Дед сидел у окна и с живым интересом наблюдал за воробьями, которые пелериной накрыли ясьень, растущий рядом с окном.

— Дедушка, ходим в магазин? — не надеясь на ответную реакцию, вяло предложила Вика.

Дед посмотрел на нее выцветшими глазами и, нечетко проговаривая слова, спросил:

— В лавку керосин привезли?

— Не керосин. Джинсы привезли, штаны иностранные. Их только ветеранам продают. По удостоверениям.

Дед, беззубо улыбаясь, смотрел на Вику.

— Ладно, дедушка, я пошутила. Ты обедал?

— Нет, ага... пойдём в лавку. — Дед решительно поднялся и принялся оглядываться в поисках своей палки с костяным набалдашником... — Пойдем в лавку за штанами, ага, — повторил он, наконец найдя ее и удобнее обхватывая набалдашник рукой.

— Дедушка, да я же пошутила, — испугалась Вика, представив, что будет, если мама вернется домой и не застанет деда в квартире. Но дед уже, кряхтя, надевал старые растоптанные ботинки.

«Ну ладно. Будь что будет!» Вика вырвала из тетради чистый лист и написала: «Мамуль, нас не теряй. Мы с дедушкой гуляем во дворе». Записку она положила на комод, взяла складной стул и бросилась догонять деда, который уже вышел в коридор и примеривался к первой ступеньке лестницы.

— Дедушка, поедём на лифте, — сказала Вика, нажимая на кнопку.

Дед невозмутимо кивнул, вошел в лифт и застыл по стойке «смирно».

...Очередь продвинулась, должно быть, метров на десять. Бабуля в мохеровой кофте встретила Виду и ее спутника довольно приветливо.

— Удостоверение не забыли? — спросила она.

— Не забыли, ага... — Дед полез в карман, вынул завернутый в носовой платок документ.

— Да не мне, в магазине продавцу покажете.

— Вы не присмотрите за дедушкой? — смущенно попросила Вика. — А я сбегая в магазин, узнаю, стоит ли очередь занимать. А то вдруг джинсы закончатся прямо перед носом. Вот обидно будет!

В магазин Вика вошла беспрепятственно — пенсионеры не пропускали в помещение только «своих». Они не сомневались: продавцы ни за какие коврижки не продадут джинсы юной особе, даже если она предъявит с десяток ветеранских удостоверений.

— Скажите, а сорок шестой размер еще есть? — спросила Вика у издерганной продавщицы, перебирающей шуршащие пакеты.

— Есть, — нелюбезно буркнула та.

— А нам хватит? — вмешался в разговор улыбчивый вихрастый парень, протискиваясь сквозь толпу и словно ненароком прижимая Вику к прилавку.

— Джинсы только по ветеранским удостоверениям, — замученно сообщила юнцу вторая продавщица. — Зря не стойте.

— А мы зря и не стоим, правда, девушка? — улыбнулся парень, еще теснее прижимаясь к Вике. Она отодвинулась от нахала и принялась выбираться из толпы.

Дед сидел на складном стуле и рассеянно слушал бабушку в мохеровой кофте, которая рассказывала, как чудесно она отдохнула этой весной в Подлипках и как в санатории к ней посватался один генерал.

— А вы не могли бы еще немного приглядеть за дедом? — попросила Вика Нину Никитичну, так звали доброжелательную старушку.

— Какой разговор, милая! Ваш дедушка — замечательный собеседник. Мне давно не доводилось беседовать с таким эрудированным и воспитанным человеком.

Девушка удивленно подняла брови. Дед уже давно не разговаривал с посторонними.

«Ладно, пусть беседуют дальше, — мысленно хихикнула она. — А я сбегая куплю эскимо себе, деду и славной бабуле».

Она подошла к ларьку, улыбнулась продавщице мороженого, сердитому мужчине

с зонтом в руках и пыльному уличному коту, дремлющему у теплой стены. Крупные купюры Вика еще дома переложила из портфеля в правый карман кофты. В левом же кармане лежала рублевая бумажка. «Вот на этот рубль и будем кутить», — весело решила Вика. Купив три эскимо, она вернулась к своим.

Теперь уже Нина Никитична внимательно слушала, а дед вдохновенно, хотя и не очень внятно, излагал какую-то медицинскую доктрину. Старушка то изумленно ахала, то сочувственно качала головой.

Наконец вместе со складным стулом, дедом и Ниной Никитичной Вика вошла в магазин. От прилавка — а, значит, и от голубой джинсовой мечты — Вику отделяли всего три покупателя.

— Готовьте удостоверения и деньги заранее, — хрипло крикнула измученная продавщица.

Дед послушно раскрыл удостоверение. Улыбаясь, он держал свой документ на вытянутых руках, как первоклашка держит дневник в ожидании пятерки.

«Вот что, наверное, чувствует человек перед распахнутыми дверями в рай, — замирая от восторга подумала Вика. — И размер мой



есть, и брюк хватило. И бабушка такая милая, и дед у меня молодец». В Викиной душе звучала музыка Гершвина. Почему Гершвина? Вика не могла этого объяснить. Просто звучала. Просто музыка. Просто Гершвина...

Вика уже предвкушала, как она завтра войдет в аудиторию в новых, с иголочки, джинсах. Как они обтянут стройные Викины бедра, и это будет самый счастливый день жизни. А потом будет еще много таких счастливых дней. Потому что на Вике будут настоящие синие «левисы»...

— Сорок рублей в кассу, — донесся до нее бесцветный голос продавщицы.

Вика пришла в себя. Дед смотрел на нее, лучезарно улыбаясь, и все так же торжественно держал на ладонях ветеранское удостоверение.

— Ой, простите. Я задумалась. — Вика сунула руку в правый карман. Внутри кармана перекатывались три копейки, сломанный бегунок молнии... И ВСЕ!

Сорока пяти рублей, Викиной стипендии, переложенной из портфеля в карман, не было.

«Может, в другом кармане?» — подумала Вика, холодея и уже точно зная, что там

стипендии тоже нет. Только сдача с рубля — тридцать четыре копейки.

«Может, деньги случайно выпали и теперь валяются под ногами, на полу?» Вика присела на корточки и тоскливо оглядела грязный линолеум, усыпанный черно-белой шелухой семечек и ненужными клочками бумаги...

«А мы зря и не стоим, правда, девушка?» — внезапно вспомнила Вика слова нахального юнца и поняла, что деньги она может уже не искать. Тот парень действительно стоял не зря. А вот Вике в этой очереди делать уже нечего.

— Я долго еще буду вас ждать? — раздраженно спросила продавщица.

— Извините. Я деньги потеряла, — еле слышно прошептала Вика и опрометью бросилась из магазина, чтобы не расплакаться при всех.

Волю слезам она дала на пяточке, возле тополя, откуда недавно наблюдала за очередью. Она бы раньше ни за что не поверила, что в человеческом организме такой запас слез! За пять минут Вика наплакала, должно быть, двухсотграммовый стакан соленой жидкости.

— Домой поедем на извозчике, ага? — услышала Вика. И обернулась.

В метре от нее с синим пакетом в руках топтался дед. Справа от него, прижимая к животу свои пакеты с джинсами и довольно улыбаясь, стояла Нина Никитична, или, как окрестила ее про себя Вика, «мохеровая бабуля».

— Вот. Штаны, ага... — пробормотал дед, протягивая Вике на вытянутых руках заветный пакет так же, как несколько минут назад протягивал продавщице ветеранское удостоверение.

— Дедушка, откуда у тебя? Ты... отдал свои деньги?!!

— Отдал, ага.

Дед потоптался и неловко подставил согнутую баранкой руку Нине Никитичне.

— Вы меня хотите проводить? — догадалась та. — Ну вот и хорошо. А три рубля завтра занесете. Да и попросту — на чай вместе заходите... Ваш дедушка удивительный человек и чудный собеседник, — доверительно шепнула Вике за спиной старика симпатичная старушка.

Они довели Нину Никитичну до дома и попрощались с ней у подъезда.

Вика шагала рядом с дедом, прижимая к груди свое синее сокровище, веря и не веря в обретенное счастье. Какими словами нужно было благодарить деда за бесценный подарок? Деда, которого она считала уже без пяти минут растением. И который, не колеблясь, отдал свои драгоценные, накопленные за три года рубли, чтобы она, Вика, не плакала из-за каких-то заморских штанов.

— Дедушка, я тебя очень-очень-очень люблю! — всхлипнув, Вика прижалась лбом к плечу старика.

— Ага, — безмятежно улыбаясь, ответил дед и добавил: — Надо все-таки поймать извозчика.

## ЛИЗА, ЛИЗОНЬКА, МОНА ЛИЗА

«Господи, какая же я несчастная! — мысленно причитала Лиза, спускаясь по крутым ступеням институтской лестницы. — Зачем мне понадобилось поступать именно на факультет иностранных языков?! Не могла пойти на исторический?! Бестолочь!

В школе Лиза несколько лет учила английский, а в десятом классе взялась за немецкий. Не потому, что лавры полиглота спать не давали, а потому, что отца-офицера перевели в другой гарнизон. В Крестах не было преподавателя английского языка, а соответственно, и самого предмета. Лиза за год и немецкий не выучила, и английский почти забыла.

Спотыкаясь на каждом слове, Лиза прочитала несколько строчек, искренне сомневаясь, что экзаменационный текст написан именно на немецком языке, а не на китайском или хинди. Несколько минут она изумленно изучала незнакомые сочетания латинских

букв. Затем, уткнувшись носом в листок с текстом, понесла немыслимую околесицу на русском. Как бы перевод.

Брови «немки» изумленно взлетели к линии высветленных волос. Лиза услышала вопрос, в котором поняла лишь первые три слова «Вас ист дас?» — «Что такое?». И, окончательно убедившись в том, что в институт она в этом году уже не поступит, обреченно брякнула: «Дас ист капут». Взяла сумку и, не прощаясь, покинула аудиторию.

Замуж, что ли, выйти? Военное училище рядом. Танцы каждую субботу. Сколько местных девчонок ухитрилось выскочить за свежеиспеченных молоденьких офицеров, окрутив их за полгода до выпуска! Вот только ей, Лизе, перспектива стать женой офицера не светит. Да и вообще перспектива выйти замуж — абсолютно нулевая. Такие уродины, как она, замуж не выходят...

Лиза плюхнулась на скамейку, достала маленькое зеркало и уставилась в него, словно надеясь, что в качестве компенсации за пережитое горе ее темно-каштановые мелкие кучеряшки немедленно превратятся в блестящий водопад черных роскошных волос. Белесые бесформенные брови — в изогну-

тые соболиные. Нос с опущенным кончиком выпрямится. Что второй подбородок рассосется, а припухлости под глазами бесследно исчезнут. И тогда в народном театре ей дадут роль Джульетты, а не человека из толпы.

«Грохот падающего тела», — привычно отвечала Лиза на вопрос знакомых о том, кого она изображает в театре. Танька из основного состава вообще неделю назад прилюдно обозвала ее «выхухолью».

«Интересно, как выглядит выхухоль? — мрачно подумала Лиза, размазывая малиновые румяна по скулам. — Надо в библиотеку зайти, в книгах покопаться. Найти фотографию этой самой зверюги... Кстати, о выхухольфу — о фотографии: в театре сегодня фотографируют всех участников студии. Без исключения. Потом в холле вывешат портреты студийцев основного состава, а в репетиционной — фотки всех остальных».

— Ну их, не стану фотографироваться, — вслух пробормотала Лиза, словно продолжая спор с невидимым собеседником, убрала зеркало в сумку и поднялась со скамейки.

Хотя ей, Лизе, неприятной процедуры все равно не избежать. Режиссер заставит. Придется зажмуриться и терпеть. Как у зубного.

Или нет. Зажмуриваться Лиза не станет. Просто потерпит несколько минут. Ведь Леонардыч не виноват, что она получилась у мамы и папы таким чудовищем.

Сколько лет было Леонарду Леонардовичу Лапинскому — нелюдимому театральному фотографу — Лиза не знала, ей это было безразлично. Сорок, пятьдесят, семьдесят — какая разница? Вообще, все люди старше сорока представлялись ей скучными до оскомины стариками, которые уже достаточно прожили на свете и теперь копят небо исключительно для того, чтобы делать ей, Лизе, замечания по поводу короткой юбки или сигарет.

Студийцы толпились на лестнице, лениво обсуждая процесс фотосъемки.

— Маслову не иначе как на персональную фотосессию пригласили, — заметил Юра Растокин, — ведущий актер театра, в сторону которого Лиза даже взглянуть боялась, так он ей нравился. Он ей даже снился, но Лиза скорее откусила бы себе язык, чем кому-нибудь об этом рассказала.

— Шевелись давай, а то Леонардыч злится... Красота ты наша неопишная...

Лиза подошла к зеркалу, неторопливо достала прозрачную коробочку с польскими



ядовито-синими тенями и старательно растерла их над глазами, замазав зеленые, нанесенные утром. Затем поплевала на карандаш и провела жирные черные линии вдоль ресниц. Так, что там еще? Помада... Она поковыряла спичкой в патроне тюбика, размазала кусочек почти черной краски по губам и направилась в подсобку, приспособленную под фотостудию.

Леонардыч стоял в углу у стеллажа и перелистывал альбом в бордовой бархатной обложке.

— И что это за чудо-юдо? — Фотограф с недоумением уставился на Лизу, которая кислым привидением застыла на пороге. — Вот это я должен фотографировать?

Так, понеслась душа в рай, — расстроилась Лиза. — Не надо было сюда идти! Обошлись бы в театре и без ее фотографий.

— Ты в зеркале себя видела? — неприветливо спросил фотограф.

— Семнадцать лет люблюсь, — буркнула Лиза.

— Так полюбуйся еще раз!

Лапинский подошел к девушке и подтолкнул ее к настенному круглому зеркалу.

— Это что — лицо? Это взрыв в красильне. Бред какой-то! Это я снимать не буду.

Он еще раз возмущенно фыркнул и уткнулся в альбом.

— А я и сама не хотела, — едва сдерживая слезы, сказала Лиза. — Мне режиссер приказал!

— Вот умоешься, причешешься, тогда и придешь. Я театральную фотогалерею делаю, а не выставку «Кошмары нашего города»!

— Я не «кошмар нашего города»! — отгрызнулась Лиза и направилась к двери.

— Завтра в пять. И чтобы никакого грима и голову помыть! — напутствовал ее фотограф.

— Вредный, гнусный старикан. Страшный, злобный таракан! — бубнила Лиза. — Это он просто завидует тому, что я молодая, а он — старый пенек. Леонардыч-фигардыч! — Больше обидных рифм не придумывалось...

— Старикашка — вредная какашка! — буркнула напоследок Лиза, выходя из театра. Тяжелая дверь — наверняка дальняя родственница институтской — коварно поддала ей ниже спины.

На следующий день Лиза помыла голову, но в знак протеста причесываться не стала. Кудрявые каштановые волосы девушки стоя-

ли вокруг головы пышной пружинящей шапкой. Веки она не тронула даже тушью, к бровям впервые не прикоснулась карандашом. Без косметики Лиза чувствовала себя так, словно забыла надеть нижнее белье. Очень неуютно себя чувствовала.

Леонардыч сидел спиной к двери и перелистывал все тот же альбом. Казалось, за сутки он не сделал ни шага из своей комнатухи.

Потоптавшись у дверей, Лиза кашлянула, чтобы обратить на себя внимание.

— Кто там? — недовольно буркнул Лапинский, оглядываясь.

Лиза приготовилась сказать какую-нибудь колкость, но Леонардыч, опустив альбом на колени, ошеломленно пробормотал:

— Боже правый! Лизонька! Мона Лиза. Не может быть!

Он поднялся, подошел к девушке и попросил:

— Пожалуйста, расчеши волосы на прямой пробор. И прикрой голову вуалью... вот так.

«Чокнутый дедок. И, кстати, откуда он знает мое имя?» — подумала Лиза, но послушно провела расческой по упрямым кудрям. Затем уселась в бутафорское кресло и замерла

в позе усталой нимфы — руки расслабленно лежат на позолоченных подлокотниках, глаза полуприкрыты, губки бантиком.

— Детка, перестань кривляться, — мягко попросил Леонардыч, воздвигая неподалеку от Лизы баррикаду из разных осветительных штуквин. — И пересядь на стул. Я хочу тебя снять на фоне гор.

Лиза обреченно вздохнула и переместилась на ветхий табурет, который Леонардыч поставил рядом с фрагментом декорации к спектаклю «Фанданго». На заднике были изображены кривоватая гора, виноградник и дорога.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты очень похожа на Джоконду? — спросил фотограф, пристраивая к железному штырю большой белый зонт без ручки.

— Издевается еще, старый крокодил, — пробормотала Лиза и сделала попытку улизнуть.

— Сидеть!!! — рявкнул Лапинский.

Лиза злобно боднула воздух и замерла.

Через полчаса, одуревшая от утомительной фотосессии, Лиза вышла из подсобки.

— Чего так долго? — ехидно поинтересовалась Вера Трофимова — прима и любими-

ца режиссера. — Неужели он к тебе приставал?

— Ага! В любви признавался, — раздраженно буркнула Лиза.

На следующий день, нанеся на лицо традиционную агрессивно-клоунскую раскраску и начесав волосы так, что они торчали в разные стороны, как перья у взъерошенного воробья, Лиза отправилась в студию. На стульях у малой сцены были разложены фотографии. Студийцы рассматривали снимки и обменивались восторженными репликами. Увидев Лизу, все замолчали. Теперь они рассматривали ее. Странно рассматривали! С ног до головы! Изумленными глазами! Словно впервые видели.

«Так, приехали, — подумала Лиза. — На фотках, небось, я даже не выхухоль, а чучундра косорылая. А может, и хуже! Сейчас издеваться начнут».

Глаза наполнились злыми слезами.

Не надо было фотографироваться! Сколько ее ни снимали — всегда кошмарно получалась. Вон как все уставились, словно чудовище из фильма ужасов увидели. Лиза развернулась и решительно направилась к выходу.

— Эй, погоди! — крикнул Юра Растокин.  
— Да стой ты, выху... дурочка.

Он догнал Лизу и протянул ей глянцевую фотографию величиной с альбомный лист.

— Ты здесь настоящая Джоконда! — глупо хихикнул он.

И «Джоконда», и глупое Юркино хихиканье стали последней каплей, переполнившей чашу Лизиного терпения.

— Всё, достали! — злобно рявкнула она и, даже не взглянув на фотографию, с остервенением принялась рвать на мелкие кусочки свидетельство своего очередного позора.  
— Думаешь, раз красивый, так можешь издеваться... Ненавижу! Сам ты выхухоль!

Она швырнула обрывки фотографии Растокину в лицо, словно смерч пронеслась по коридору и выскочила на балкон.

Балкон в театре был бесконечным и тянулся по внешнему периметру здания. Он был заставлен отработавшим свой срок реквизитом. Рядом с кривой бутафорской пальмой стоял торшер с помятым абажуром, дальше — зеркало, которое ничего не отражало, этажерка без ножек, колеса без спиц, ободранные подсолнухи и поломанные плетни. Летом здесь обычно уединялись парочки, студии на-

зывали этот интимный островок «убежищем влюбленных». Лиза обходила балкон стороной, это была чужая, запретная территория, куда ей, дурнушке, вход был заказан. Она могла только фантазировать, представляя, как она стоит у перил, глядя вдаль... красивая, освещенная лучами заходящего солнца. Юра Растокин выходит на балкон, становится рядом и нежно накрывает ее ладонь рукой. Потом склоняется над ее лицом...

Дальше она фантазировать не решалась, словно боясь, что кто-нибудь подслушает крамольные мысли и объявит всему составу: «Выхухоль-то у нас втюрилась в самого Растокина!» О-о-о, ни за что! Лучше умереть.

«Вот! Умереть!» — сверкнула шальная мысль, и Лиза моментально успокоилась. Все стало на свои места... Умереть! Пусть тогда смеются! Жить все равно нет смысла. В институт провалилась — раз! Серая бездарность — два: роль — даже эпизодическую — не дают! Юрка над ней смеется — три! Страшная как смертный грех — четыре... пять... шесть...

Мысленно загибая пальцы, она перелезла через перила балкона. Стоя на крошечном каменном карнизе, где еле-еле уместились ее ступни в стоптанных босоножках, Лиза без

страха заглянула в темный колодец, образованный зданием театра и гостиницей.

Далеко внизу по пустынному двору, заставленному деревянными ящиками, бродила тощая, пыльная кошка, поодаль громоздились баки с мусором.

«Вот там мне и место», — с мстительным мазохизмом подумала Лиза, откидываясь назад на вытянутых руках.

— Лиз, ты что, сдурела? — На балкон выбежала Марина — пожалуй, единственная нормальная девчонка в студии. — Лизка! — Она рванулась было к перилам, но Лиза медленно подняла руку на уровень лица, ладонью от себя. Слово удерживая Марину на расстоянии... — Ребята, Юра, Таня! — крикнула та в коридор.

На балкон выбежало несколько человек.

— Не подходите — прыгну, — спокойно предупредила Лиза. Ей даже стало смешно — такими неестественными были их застывшие в гримасе ужаса лица. «Актеры бездарные, — мысленно хмыкнула она. — Не верю!»

— Лизка, не дури! — Вера Трофимова нерешительно топталась в дверях. — Какая муха тебя укусила?



«Какая муха? Тебе все равно не понять. Ты у жизни в любимчиках», — подумала Лиза, но вслух проговорила:

— Иди к черту!

— Ушли с балкона, все, живо! — услышала Лиза знакомый скрипучий голос. Вытолкав оторопевших студийцев в коридор, на балкон вышел гадкий старикашка Леонардыч — виновник последней трагедии в Лизиной жизни.

Ну и хорошо! Пусть увидит, как она, оттолкнувшись ногами от карниза, словно раненая птица, упадет вниз! Лиза с ненавистью посмотрела на Лапинского, собираясь усмехнуться ему в глаза последней, трагической усмешкой.

Леонардыч на Лизу не смотрел. Он смотрел на блеклое солнце, свет которого напоминал освещение лампы дневного света — мертвенное, холодное. Только сейчас Лиза поняла, что Лапинский стар. Очень стар. Шея, как у черепахи: желтая и морщинистая, в глубоких складках, кисти старческих рук — в пигментных пятнах, на щеках и подбородке — жалкий, седой ежик.

— Лето в этом году опять холодное, — все так же, не глядя на Лизу, непривычно мягким

голосом сказал Леонардыч, не торопясь достал спички, сигарету, размял ее желтыми от никотина пальцами. Чиркнул спичкой о коробок, жадно затянулся. — Дождей много. И льют, и льют, и льют... Я, Лизок, прошлым летом дочку похоронил. Как раз в дождь. На кладбище батюшка ее отпевает — слезы по ее лицу бегут, а я думаю: ведь почти никогда плачущей Лизоньку свою не видел. Так вот дождь за нее отплакал. И я... потом... Теперь никого... ничего...

— А от чего она умерла? — Лиза осторожно, словно боясь спугнуть невидимую бабочку, вернула правую руку на потертые перила.

— Пьяный водитель на «жигулях» сбил. Она у меня красивая была. На тебя похожа. И на нее... Джоконду.

— Джоконда некрасивая.

— Нет, Лизок. Она самая прекрасная из смертных. Она совершенна!

— А я что, правда, на нее похожа?

— Одно лицо, только она постарше.

— А я думала, я... выхухоль.

— Почему выхухоль?

— Так. Несчастливая. В институт я провалилась, роли не дают, страшная... вообще все так плохо!

— Плохо... Знаешь, когда мою Лизоньку этот... человек сбил, «скорую» вызвали не сразу. Люди просто стояли вокруг и смотрели. Потом какой-то водитель троллейбуса по радиации сообщил в депо. А ведь ее можно было спасти. Если бы сразу... Для меня словно солнце погасили. Все серым стало. А жить нам, Лиза, надо. Мне — за мою Лизоньку, тебе — за себя. Поняла?

— Поняла.

Лиза осторожно перелезла обратно на балкон, присела на колченогую тумбочку.

— А у вас репродукция Джоконды есть?

— Есть.

— А фотографию вашей Лизы вы мне покажете?

— Конечно.

Они пошли по коридору, провожаемые удивленными взглядами студийцев. Леонардыч достал с полки уже знакомый Лизе альбом и открыл его.

— Это ваша дочка?

— Ей здесь двадцать пять. Я ее фотографировал на Кавказе в горах. А вот это Джоконда. Мона Лиза.

— Лиза?

— Мона Лиза.

— Надо же — она Лиза, я Лиза, ваша дочка тоже... Скажите честно, а я и правда красивая?

— Ты удивительная, только под слоем косметики это трудно разглядеть.

— Я не буду краситься.

— Ты молодая... вам положено краситься, курить.

— Я брошу курить.

— Лиза, у тебя все в порядке? — В комнату заглянула встревоженная Марина.

— С ней все замечательно. Ну что ж, Лизонька, иди к ребятам. Они волнуются. И подумай над тем, что я сказал.

— Да, я подумаю.

— Фотографии свои не забудь.

— Ага.

— Ли-из! — Марина крепко обняла подругу. — Ты ведь дурачилась там, на балконе? Правда? Фу-у-у! А мы сначала даже поверили, представляешь! Да, ты ведь еще не знаешь, Валерич утром объявил, что ты будешь играть Джульетту в первом гастрольном составе. А я, как всегда, «глас народа» в массовке. Счастливая ты! И эти фотки... Все обалдели, когда увидели! У Трофимовой даже истерика была! Ты такая красавица! И с Джокондой —

просто одно лицо! Даже Юрка сказал, что ты самая красивая девушка в театре!

— Да... конечно... Мариш, я пойду, хорошо?

Лиза открыла дверь. Та, уважительно скрипнув, выпустила ее на улицу.

Лиза, словно сомнамбула, подошла к скамейке, присела на край и принялась рассматривать снимки. Джоконда в профиль, в фас, Джоконда с загадочной улыбкой и неуловимым взглядом. Грустная, веселая, удивленная, бесконечно прекрасная Мона Лиза... просто Лиза. Самая красивая девушка в театре...

«Боже мой, какая же я счастливая!!!» — задыхаясь от счастья, подумала Лиза и, запрокинув голову, подставила лицо выглянувшему из-за тучи солнцу.

## ПУСТЬ ОН НЕМНОГО ПОДОЖДЕТ

— Малыш! Ты мне сегодня снилась...

— Правда? А что я делала в твоём сне?

— Мы плавали в море вместе с дельфинами. Ты была похожа на Русалочку Андерсена. У тебя ведь есть ямочки на щеках?

— И ямочки, и волосы такие же длинные, как у нее. А на ресницах у меня по семь спичек помещается!

— Здорово! Теперь я тебя обязательно узнаю. По ресницам! Значит, у входа на ВДНХ?

— Да, в пять часов.

— Я буду ждать! Пока!

— Пока!

Яна выключила компьютер, подошла к пыльному трюмо, постояла, пытливно вглядываясь в отражение. Затем показала ему язык, открыла шкаф и в раздумье провела рукой по плечикам с одеждой: «Где же тут была?.. Ах да, вот она».

Яна достала водолазку лимонного цвета с высоким глухим воротником.

До ВДНХ она добралась быстрее, чем рассчитывала. В запасе оставалось еще полчаса. Яна огляделась по сторонам, взобралась на теплый каменный парапет и закурила.

Сигарета медленно тлела, обрастая невесомой сизой шапкой. Пепел сорвался с кончика и исчез, должно быть, рассыпавшись на пулистые молекулы.

Яна сунула руку в сумочку за очередной сигаретой. Пачка «Мальборо» была пуста.

«Ну вот, теперь «стрелять» придется, — с досадой подумала она. — Полпачки за полчаса! И отчего я так волнуюсь?»

Она спрыгнула с парапета и замерла. Вот он! Или не он? Точно он! В руках бордовая роза, как они договорились.

Яна влюбилась в Арсения заочно. Два месяца назад они познакомились в Интернете, на литературном сайте. Завязалась переписка по «аське». Он смешил ее эпиграммами, посвящал стихи, а она каждый вечер с нетерпением ждала очередной виртуальной встречи с человеком, который заполнил почти все ее жизненное пространство. Неделю назад они признались друг другу в любви.

...Яна отвела взгляд от Арсения и огляделась по сторонам.

— У вас не найдется сигаретки? — обратилась она к прыщавому коротышке в очках с толстыми линзами. Он уже несколько минут нервно топтался у парапета, кого-то выглядывая в толпе и терзая в руках поникший цветок.

Очкарик взглянул на Яну. Улыбка угасла, не успев отпечататься на толстых обветренных губах. Старательно отводя глаза в сторону, он протянул девушке распечатанную пачку.

...Забытая сигарета догорела до фильтра и обожгла пальцы. Яна бросила прощальный взгляд на Арсения и, подавив вздох, решительно зашагала мимо него в сторону метро.

Коротышка в этот момент увидел кого-то в толпе. Привстав на цыпочки и вытянув шею, он благоговейно смотрел на длинноволосую девушку в джинсах и открытой желтой блузке. Та, поглядывая на часы, нетерпеливо постукивала носком туфельки по асфальту.

...Покачиваясь в троллейбусе, Арсений глупо улыбался. Даже за двадцать метров он разглядел ямочки на лице Яны и ресницы, на которых действительно могло бы удержаться по семь спичек. Как они и договаривались,



его малыш, его красавица Яночка пришла в желтой блузке.

Арсений украдкой пощупал свои рыхлые предплечья. Завтра же он отправится в спортзал и будет качаться, качаться, пока не станет похожим на Сталлоне. Потом он сходит в косметический салон, удалит прыщи, затем поставит себе линзы. И тогда непременно подойдет к ней...

Только пусть она немного подождет...

Подземный поезд с воем летел в черную дыру времени и пространства. Яна стояла у застекленных дверей полупустого вагона, рассеянно глядя сквозь свое черное отражение в темноту.

...Когда-нибудь, — когда с лица Яны врачи уберут уродующее девушку гигантское пигментное пятно, — она назначит Арсению новое свидание и непременно подойдет к нему... Только пусть он немного подождет... Да, пусть он немного подождет.

## Бабочка на морозном окне

— Марин, слыхала? Светка-то, алкашка, померла! — Клавка Баранова в клубках пара ввалилась в дом Кораблевых и принялась сбивать тощим голиком снег с валенок. — В сугробе утром нашли. Видать, пьяная куда-то потащилась, упала и замерзла.

— А хоронить-то ее кто будет? — Марина Кораблева, обладательница волевого подбородка и довольно заметных усиков, подперла кочергой заслонку печки и, одернув юбку, уселась на табурет.

— Наверное, правление. А чо, жила одна, никто к ней не приезжал. Надо в вещах ейных посмотреть, может, адрес какой найдем. — Глаза Клавки хищно блеснули. — А то, может, чего ценное у ей есть. Продать, дак и похороны окупятся. Сашка за пол-литра домовину выстругает, мужики могилку выкопают. Ежели у ей какая цепочка золотая была, так и хватит.

— Ты что мелешь? Какая цепочка? Она ж все пропивала, даже в магазин к тебе одежду свою старую приносила, не помнишь что ли? Было бы у нее что ценное, давно бы на водку спустила. А вот документы надо поискать. Может, Польша чего знает?

— Польша-то? Знает. Точно, — хмыкнула Клавка. — Она же алкашке лучшей подружкой была, даром что тринадцать лет соплюхе. Ну так что, идешь — нет? Там, наверное, уже вся деревня собралась. Давай, а то не успеем!

Марина не стала размышлять, куда это они не успеют, если Светка все равно уже умерла, а накинула на плечи старую телогрейку и сунула ноги в мужнины валенки. Подруги вышли из дома и быстро зашагали по улице.

Светка появилась в деревне два года назад в конце лета.

Нескладная, нелюдимая, она поселилась в заброшенном доме, коих в Алексеевке было с десятков. Светка была алкоголичкой. Трезвой ее видели только в те дни, когда она уезжала на попутке в райцентр. По словам Клавки, которая работала продавщицей в деревенском магазине, денег Светка-алкашка из города привозила много. В среднем за месяц она спускала в Клавкином магазине

от трех до пяти тысяч — и все на дорожную водку и сигареты. Продукты покупала редко. И то лишь крупу, макароны, хлеб, соль и сахар. Как только деньги у нее заканчивались, она снова ловила попутку и уезжала. Пару раз деревенские замечали, что Светка возит в город и обратно какие-то плоские прямоугольные штуковины. Бабы долго и мучительно гадали, что бы это могло быть, но к «консенсусу» так и не пришли. Изнывая от любопытства, отправили к Светке делегацию из четырех человек. Та вышла на крыльцо, оглядела делегатов и смачно послала их к какой-то матери.

Единственный человек, которого пьянчужка охотно пускала к себе в дом, была дочка вдовца Лехи Пустового. Одна нога у девочки была короче другой, из-за чего она заметно хромала. Подружек у Полины не было, из родственников — только отец и злющая бабка.

Деревенские поначалу зазывали Полину к себе, угощали карамельками «Гусиные лапки» и расспрашивали о Светке, но девочка упрямо молчала, уставившись в пол. Наконец бабы от Полины отстали и переключили свое внимание на нового жителя Алексеевки — фермера Николая, который надумал

разводить в их деревне свиней и даже заложил фундамент будущего свинарника.

Полина приходила к Светке каждый день после школы. Она пробиралась по захламленным сеням в маленькую темную комнатушку, где обитала ее подруга, и, поджав под себя ноги, устраивалась в скрипучем продавленном кресле. А Светка, установив на треноге подрамник с натянутым на него холстом, принималась рисовать. Рисовала она всегда одно и то же: вдоль домов, по узкому каналу, плыли голубые гондолы с загнутыми носами. В них пели, смеялись, целовались красивые и счастливые люди. Каждый месяц Светка увозила в город законченную картину, возвращалась и снова принималась за работу.

— Знаешь, Лина, я скоро уеду в Италию, — часто повторяла она. — Меня Митя увезет, мой муж. Митя — талантливый художник. Вот смотри, это его работа — «Бабочка на морозном окне», и Светка доставала из-за шкафа небольшую картину.

Полине «бабочка» нравилась. Очень. На заснеженном стекле (которое было так здорово нарисовано, что хотелось продышать сквозь изморозь крошечное окошко и заглянуть в него хотя бы одним глазком) сидела живая

бабочка. Ее крылья были расправлены, словно бабочка собиралась вспорхнуть и перелететь с нарисованного стекла на темную раму настоящего, давно не мытого окна.

— Он заберет меня в Венецию, мы купим дом, — не прекращая рисовать, быстро говорила Светка. — И с нашего балкона будут видны красные черепичные крыши. Если хочешь, мы и тебя заберем с собой. Ты же у меня единственная подруга. Поедешь?

Полина кивала, а Светка привычно лезла в шкаф и доставала початую бутылку водки, в горлышке которой торчала «вечная» пробка, свернутая из газетного обрывка. Светка вынимала пробку, делала большой глоток и ставила бутылку на пол, неподалеку от себя.

— Мы поедем на поезде до Москвы, потом полетим на самолете до Рима, потом снова на поезде... Митя покажет нам Венецию — это самое красивое место на земле... представляешь, там дома словно плывут по розовому небу, отраженному в канале...

Иногда Светка давала Полине краски, и та рисовала на потускневших обоях разноцветные дома, плывущие по розовой воде.

Однажды Полина застала Светку лежащей на диване. Та была закутана в старые тряпки

и рваные одеяла, которые, очевидно, собрала со всего дома. Печка была ледяной.

— Слушай, Лина, — горячечно зашептала Светка, трясясь в ознобе и обдавая Полину резким водочным запахом, — что-то мне сильно плохо. Возьми картину — ну, ту, что с бабочкой... если что, ты ему отдай... она дорогая. И деньги — там, в чемодане под кроватью... Ему передашь. Обещаешь?

Полина молча кивнула, а потом сбегала к бабе Шуре, которая лечила деревенских целебными травками, и принесла от нее сверток с сухими, пряно пахнущими цветами. Два дня Полина заваривала траву и терпеливо поила Светку горячим отваром. На третий застала приятельницу у треножника с привычной бутылкой на полу. Картину с бабочкой та забирать у Полины не стала, но строго-настрого наказала отдать ее Мите, если Светка невзначай помрет.

Накануне Рождества Светка как всегда рисовала свою картину с голубыми гондолами. Была она непривычно веселой.

— Сегодня ночью приедет Митя. Он прислал мне телеграмму из Венеции. А завтра мы все вместе — я, он и ты уедем в Италию.

Она засмеялась молодым счастливым смехом.

В этот день Светка не притронулась к своей заветной бутылке с газетной пробкой в горлышке.

Когда Полина засобиравалась домой, Светка протянула ей коробку цветных мелков.

Полина ушла от нее в семь вечера, а утром к отцу зашла соседка и сказала, что Светку нашли мертвой на проселочной дороге, довольно далеко от деревни. Полина проплакала все утро, а днем, зареванная, пришла к знакомому дому.

— Полечка, тебе тетя Света ничего про денежки не говорила? — вкрадчиво принялась выпрашивать у девочки Клавка. — А то, может, сказала, где у нее чего хранится. Видишь — ее надо схоронить, а не в чем. И гроб не на что купить, и могилу тоже за здорово живешь никто не выкопает.

— Она сказала, что деньги в чемодане, — шмыгнула носом Полина. Ей было очень жаль Светку. Та никогда не орала на Полину, как бабка, и не дразнила, как девчонки из класса.

— Есть, — воскликнула Марина, доставая из чемодана пухлый, перевязанный бечевкой сверток.



— Да тут только письма, — разочарованно протянула Клавка. — Давайте посмотрим в шкафах.

Пачку писем небрежно швырнули на кровать. Одно из них упало к ногам Полины. Девочка украдкой подняла его и спрятала в карман пальто.

Дома, дождавшись, пока бабка заснет, а отец отправится к соседям, она зажгла парафиновую свечу и достала письмо. В конверте оказались исписанный лист бумаги и фотография.

В светлой комнате, возле мольберта, обнявшись, стояли двое: девушка с сияющими глазами и долговязый парень в смешной соломенной шляпе. А на мольберте стояла картина с бабочкой.

Полина развернула листок. Неровным, падающим почерком на нем было написано несколько строк:

«Любимый мой, родной Митенька. Ты всегда говорил, что с тобой ничего не случится, потому что тебя хранит моя любовь. Неужели я недостаточно сильно тебя любила, для того чтобы отвести беду?! Почему ты оказался в горах именно в тот момент, когда с вершины шел селевой поток?

Чтобы не умереть от боли, я придумала, что ты уехал в Венецию учиться живописи у итальянских мастеров, но однажды вернешься за мной. У нас будет маленький дом с окнами, увитыми виноградом. Из окон будут видны старые черепичные крыши. По вечерам мы будем слушать песни гондольеров... Я знаю, ты скоро вернешься за мной...»

Полина вытерла ладонью мокрые щеки, положила письмо и фотографию в конверт и спрятала его под подушку. Затем достала картину с бабочкой.

Блики от свечи нежно гладили картину, и казалось, что бабочка шевелит крыльями, собираясь вспорхнуть и улететь далеко-далеко... Туда, где по утреннему каналу плывут разноцветные дома-корабли, а по розовым облакам, обнявшись, идут двое — девушка с сияющими глазами и парень в смешной соломенной шляпе.

## ТРЕТИЙ ВСТРЕЧНЫЙ

— Настя, ты лопнешь, ей богу!

Евгения полулежала на кровати и довязывала правый рукав свитера. Вообще-то в отделении гинекологии вязать запрещалось, но на Евгению почти никакие запреты не распространялись. Ей всегда позволялось уходить на выходные домой, открыто курить в служебном туалете и еще многое другое. В палате для бесплодных Евгения лежала в третий раз. Болезненные процедуры, массажи, уколы — ничего не помогало. Но каждый раз врачи надеялись на чудо. Евгения же относилась ко всему философски и привычно ложилась в больницу каждую осень. Один плюс, по крайней мере, был. Не надо было отрабатывать тяжкую институтскую повинность — возить студентов первых курсов на картошку.

— Настя, пять яиц — это перебор! Остановись же!

— Не могу. Во-первых — это моя любимая еда, во-вторых — старшая холодильник отключила, а в тумбочке они протухнут.

— А сколько тебе принесли?

— Сколько попросила. Десять.

— О-ох!!!

— Ладно, уговорила! Вечером остальные доем.

Настя — приятная толстушка с пушистой косой и родинкой над губой — с сожалением убрала пакет с вареными яйцами в тумбочку и, босиком прошлепав к раковине, налила в стакан воды.

На обследование Настя легла, чтобы доказать бывшему мужу и его мамашке, что она совершенно здорова. Свекровь уже через два года после свадьбы заявила, что Настя никогда не сможет родить ребенка, развела ее со своим сыном-«ботаником» и по-быстрому женила его на парикмахерше, у которой уже была трехлетняя дочка.

— Женечка, а кто та женщина, которая к тебе утром приходила? Я мимо приемного покоя шла — видела. У нее такой мальчишечка славный — ну просто ангелочек!

— Это? Подруга. Тоже бесплодница.

— ?

— Бывшая. Долго рассказывать.

— Так нам торопиться некуда. Меня только в понедельник выпишут, тебя вообще через неделю. Ну, Же-е-нь!

— Ну, что с тобой поделаешь!

Евгения подоткнула подушку под спину и поерзала, устраиваясь на кровати.

— Шесть лет назад у меня обнаружили опухоль. Привезли в гинекологию, прооперировали. Потом положили в общую палату. Нас там было двое: я и Александра — преподавательница из политеха. Она за мной ухаживала, поила, судно выносила, — нянечек не хватало, вот и помогали женщины друг другу, кто чем мог. А в больницу она попала с внематочной беременностью. Врач сказал, что шансов на материнство у нее мало, но пролечиться все же не мешает. Мы с ней подружились, после выписки начали друг к другу в гости бегать. А через полгода на ее голову неприятности посыпались: сначала в институте сократили, потом муж заявил, что с бесплодницей жить не станет, с Сашкой развелся и ее из квартиры выставил. Она раны душевные зализала, устроилась на завод лаборанткой, комнату сняла. Много, конечно, пережила, у меня в кухне стол от ее слез насквозь просо-

лился. Как дуб мореный стал — теперь двести лет прослужит.

Потом подружка моя легла в стационар на гидротубацию. Лечение прошло благополучно, врачи сказали — есть шанс, нужно срочно беременеть. Легко сказать — «беременеть»! От кого???

...Евгения подняла выскользнувшую из вязания спицу, повела плечами, разминая затекшую спину.

— Сидели мы как-то раз у нее в комнате, в карты играли, я и говорю:

«А давай подойдем к первому встречному мужчине, все объясним и попросим сделать тебе ребенка».

Она захохотала. А потом спросила:

«А нас за ночных бабочек не примут?»

Я вполне серьезно отвечаю:

«Мы днем пойдем, оденемся скромно, как учительницы биологии».

И что ты думаешь, мы, две авантюристки, поехали в отдаленный район, вышли на остановке и принялись к мужикам приставать!

...Евгения покачала головой и засмеялась.

— Мне Александра говорит:

«Жень, давай ты подойдешь к мужчине и поговоришь с ним, я боюсь!»

Ладно. Выбрала я положительного товарища с авоськами, подошла и очень интеллигентно к нему обратилась: так, мол, и так, окажите посильную помощь... Мужик рванул от меня — только подметки засверкали. Потом еще к одному подошла — вроде, тоже порядочный — лысый, упитанный... Я только рот открыла, а он мне:

«Обнаглели, шлюхи, уже среди бела дня клиентов ищут!»

Мы с Александрой скуксились, я говорю:

«Ладно, хватит экспериментов, поехали домой, а то холодно, да еще уроды всякие оскорбляют».

А она заупрямилась:

«Бог троицу любит. Сама пойду договариваться. Если не получится — купим с горя торт, бутылку вина и напьемся как два поросенка».

В это время к остановке подошел еще один мужчина. Невысокий, симпатичный, крепкий как гриб боровик.

Сашка моя набрала воздуха в легкие, потом шумно выдохнула и решительно направилась к нему. Вижу, тот ее внимательно слушает. А надо сказать, оделись мы, как и планировали, скромно, такие «отстойные училки».

Поговорили они, Александра ко мне подлетела и шепчет:

«Все, мы поехали, завтра приду, расскажу».

Я не помню, как до этого «завтра» дожидала, любопытство замучило. Утром Сашка заявила, сухо все доложила — разумеется, без пикантных подробностей. Ну, словом, все у них состоялось, мужчина деликатным человеком оказался. Ничего у нее выпрашивать не стал. И сам не представился.

А у меня в тот год все волчком закрутилось. Мужа-офицера перевели в Свердловск. Я, конечно, как декабристка, следом за ним поехала. Александра написала мне бестолковое письмо, на этом связь прервалась.

— И все?

— Нет, это только начало. Потом мой Егор демобилизовался, мы вернулись обратно в Орел, полуторку купили. Когда хлопоты с переездом утихли, решила навестить старую подругу. Квартирная хозяйка сказала, что Александра давно у нее не живет. Я через общих знакомых узнала ее адрес. Купила торт... В дверь позвонила — открывает приятный мужчина в спортивном костюме. Я еще решила, что это Сашкин брат-спортсмен.



«Вы, — спрашивает, — к кому?»

Я говорю:

«Александра Викторовна здесь живет?»

Он кивнул головой и крикнул в глубину квартиры:

«Шурочка, к тебе девочка какая-то пришла».

Я хрюкнула от смеха: хорошенькая девочка — без малого центнер.

Вышла моя Александра — похудевшая, хорошенькая, глаза блестят. Мы обе завизжали, обнялись, по коридору козами заскакали. А потом она говорит:

«Хочешь чудо увидеть? Пошли».

Повела меня в маленькую комнату, а там — мама дорогая! — в манеже мальчишечка годовалый стоит и улыбается! У меня даже слезы из глаз брызнули! А она смеется:

«Знакомься, Сергей Сергеевич».

Потом невероятную историю рассказала.

После моего отъезда она перебралась к родителям. И вот как-то вечером, месяцев через пять, Сашка вроде бы чем-то отравилась. Целый день она бегала к унитазу и обратно, а вечером ее мама врача вызвала. Та Александрю осмотрела и говорит: «Обычный токсикоз, хоть и сильный. Почему до сих пор на учет

в консультации не встали? У вас уже ребенок шевелится».

Сашка от радости чуть медсестру в объятиях не задушила. Она ведь даже не догадывалась, что беременна. От природы пухленькая — раз, цикл не прервался — два, а сонливость списала на то, что график работы изменился и питаться нормально стала.

Родители обрадовались, они давно внука хотели. Родила моя Александра здорового мальчика. Назвала его Сережкой. Принялись родители вместе с ней над младенцем кудахтать. А в один прекрасный день — Сережке уже месяцев девять было — Александра оставила сына с бабушкой и побежала в аптеку за горчичниками. Возвращается — в кухне незнакомый мужчина сидит, Сережка у него на руках хохочет-заливается. Мама корвалол пьет, папа на балконе очередную сигарету курит. Александра говорит — не сразу в мужчине случайного знакомого признала.

Сергей уже потом рассказал, что он мастер спорта по дзюдо, и в тот день, когда Сашка к нему на остановке подошла, в Орел на спортивные сборы из Петрозаводска приехал. Потом вернулся домой. А через полтора года его на улице остановила пожилая цыганка и ска-

зала, что у него родился сын-тезка. Он старухе почему-то сразу поверил, а по ночам ему стал сниться кудрявый малыш. Однажды Сергей не выдержал, взял отпуск и махнул в Орел. Говорит, к этому времени уже не сомневался, что Сашка сына родила. На квартире, где они встречались, ее, конечно, не нашел. Хозяйка сказала, что девушку зовут Саша, что ее родители живут на улице Герцена. Ни дома, ни квартиры не сообщила — сама не знала. Так вот этот Сергей все квартиры в домах на Герцена обошел. И везде Сашу с родинкой на щеке спрашивал. И ведь нашел!

— И что дальше?

— А все. Перебрался в Орел. Купил квартиру, они с Александрой свадьбу сыграли. Теперь пылинки с нее сдувает, на работу не пускает. Хотя она не очень рвется. У них год назад близнецы родились — Мишка и Гришка... Завтра всем семейством собирались прийти.

— Просто рождественская сказка, — недоверчиво усмехнулась Настя.

— Да уж, провинциальная «Санта-Барбара»! Кстати, Александра сказала, что ни на секунду не сомневалась, что у нее сын родится. Не задумываясь назвала малыша Се-

режей. Так вот совпало. Сергей Сергеевич...  
Ладно, свитер завтра довяжу, давай спать.

— Жень, а где эта остановка?

— В Долгулино. А ты что, собралась?..

— А почему нет? Мужа у меня теперь нет, парня тоже. А у тебя рука легкая... Может, повезет. Поедешь со мной? А если что, купим с горя торт и бутылку вина...

— ...И напьемся как два поросенка, — засмеялась Евгения. — Уговорила, поедем. Найдем тебе достойного кавалера... и... Только одно условие — дочь в мою честь назовешь!

— У меня двойняшки будут. Мальчик и девочка. Но так и быть: дочку непременно в твою честь назову.

— А я тоже когда-нибудь рожу дочку и обязательно назову Сашкой... — серьезно сказала Евгения. — Спокойной ночи!

— Счастливых снов!

## САПОЖНЫХ ДЕЛ АНГЕЛ

Зимой 1976 года общежитие Московского института культуры на Левобережной посетил ангел.

...Ангел проник в комнату ночью, тривиально отперев замок кривым ключом со сбитой бороздкой. Был он дурен лицом, сутул и стеснителен. Затаив дыхание, ангел переступил порог и прислушался к дыханию спящих. На ногах у небесного посланника болтались стоптанные полукеды, а клетчатая рубашка не первой свежести была завязана узлом на животе.

За окнами белым пчелиным роем то вверх то вниз озабоченно метался рождественский снег.

Комнату под номером тринадцать занимали три беззаботные студентки режиссерского отделения — Арина, Верочка и Лера. Арина приехала из Астрахани, Верочка — из Самары, Лера — из Риги.

В Бога и тем более в ангелов никто из девичьей троицы не верил, хотя имя Господне частенько поминали всуе: «Господи, ну когда же закончится эта треклятая пара!» или «Боже мой, эту сессию я определенно завалю!»

В отличие от благополучных «опапленных» и «омамленных» сокурсников, девчата жили скромно и довольствовались малым. Родители по возможности помогали своим дочкам-студенткам то продуктами, то деньгами. Подруги делились одеждой, продукты покупали вскладчину. Только вот с обувью у всех троих было неважно. Арина донашивала осенние сапоги старшей сестры. Лера носила купленные еще в Риге полусапожки, которые сменили не одну пару набоек. А вот у Верочки зимней обуви, можно сказать, не было совсем. Черные скособоченные сапожки-гармошки развалились по первому снегу, и ни один сапожник не брался их реанимировать. Почти месяц Верочка бегала в институт в кедах — благо учебный корпус был недалеко от общаги. Потом в общежитие неожиданно нагрянул ее земляк и привез посылку от мамы.

Посмотреть на содержимое посылки собралось почти все женское население второ-

го этажа и два представителя мужского — красавец Олег Белоцерковский — сердцеед и профессиональный фарцовщик — и его сосед по комнате Женя Успенский. Последний был ни рыба ни мясо — так — пирожок ни с чем — тихоня и недотепа. Худощавый, постоянно краснеющий, он часто заходил в девичью комнату, сопровождая Олега, который дежурно волочился за Верочкой.

Проводив земляка, Верочка водрузила посылку на стол и принялась священнодействовать. Под слоем оберточной бумаги обнаружилась продолговатая коробка из глянцевого белого картона, такого приятного на ощупь, что нестерпимо хотелось его лизнуть.

Верочка, не торопясь, будто испытывая терпение однокашников, сняла крышку с коробки.

— Сапоги!!! — ахнуло-простонало женское население второго этажа.

В коробке, упакованные в тонкую шуршащую бумагу, лежали потрясающие, будто бы вырезанные из мягкого дерева, а потом отшлифованные до блеска сапожки. Такой красоты никто из присутствующих отродясь не видел! Даже фарцовщик Олег. Назвать обувью это было нельзя. Это было произве-

дением искусства. Это было поэмой. Сапоги были закатного малинового цвета, гладкие голенища дразнили законченностью формы, словно в них уже была «упакована» стройная женская ножка. Носы у сапог были узкими — последний писк: в Москве обувь с острыми носами только входила в моду, а каблуки...

О-о-о, такие каблуки были достойны особого описания: высоченные — больше десяти сантиметров — тонкие, на богатых позолоченных набойках! Две Останкинские башни в лучах сладострастного заката, а не каблуки!

Внутри сапожки были отделаны густым розовым мехом.

— С ума сойти! — предобморочно ахнули девчонки, когда Верочка вынула фантастические сапоги из коробки и поставила на стол. За такие сапоги любая из студенток, не торгуясь, продала бы душу, а заодно завещала бы свой скелет «Склифу». Сапогами восхищались, их трогали, гладили, мяли, нюхали, дышали на блестящую поверхность, терлись щеками о нежный мех.

— Мама купила у соседки. Тете Любе муж из плавания привез, а размер не подошел, — объяснила покрасневшая Верочка, стре-



нительно пробегая глазами письмо, вложенное в коробку.

— Такие шузы потянут на три стольника, — со знанием дела заметил Олег, щелкнув ногтем по подошве сапога. — У тебя что, предок — Рокфеллер?

Арина и Лера свирепо шикнули на Белоцерковского. Верочкина мама преподавала математику в средней школе и одна воспитывала младшую дочь, Верочкину сестру. Отец семейства утонул несколько лет назад.

— Действительно, — нахмурилась Верочка. — У мамы зарплата — семьдесят пять рэ... Правда, она копила на мебельную стенку... Неужели?..

— Стенка подождет, а ноги — нет! Ты лучше примерь свою обновку, — распорядилась Лера. Она с нежностью погладила сапог и поставила его у ног подруги, предварительно постелив на пол газету.

Верочка уселась на кровать, осторожно — кончиками пальцев — приподняла сапог за голенище и надела его на правую ногу.

— Ну как, не жмет? — заботливо спросил кто-то из толпы.

— В самый раз! — Верочка притопнула ногой, затем грациозно нагнулась и потянула

на себя серебряную собачку молнии. Молния застегнулась лишь на треть...

Сапог не сошелся на полной Верочкиной ноге на целых двадцать сантиметров.

— Ты посильней за собачку тяни, — посоветовал кто-то.

— Нет, лучше ногу вверх поднять и поддержать — она станет тоньше...

— А может, ее салом смазать? — предложил Олег.

— Одурел? — Лера кинула тапок в Белоцерковского. — Давайте-ка отсюда все, живо! Советчики! Она принялась выталкивать разочарованных зрителей за дверь.

— Давай еще раз попробуем, — предложила Арина и присела возле Верочкиной ноги с расстегнутым сапогом.

— Не застегивается! Девочки! Не застегивается!!! Да что же это такое! — горестно зарыдала Верочка, падая лицом на подушку.

— Ну, подожди реветь. — Лера подергала собачку молнии. — А может, тебе попробовать похудеть?

— Шутишь? Да она и так через два дня на третий обедает, — возмутилась Арина.

Верочка рыдала в голос.

— Ничего невозможного нет! — принялась убеждать подругу Лера. — Найдем хорошую сапожную мастерскую, там твои сапоги растянут или надставят...

— А де-е-еньги, — снова зарыдала Верочка. — И потом — их там точно испорты-я-ят! И зачем только мама их купила! Теперь ни стенки, ни сапог! Уберите их с моих глаз долой!!!

— Да убираю уже! Не реви, ради бога. Завтра мы что-нибудь придумаем, — сказала Лера, задвигая коробку с сапогами под свою кровать.

Серебристо-снежное солнечное утро не принесло Верочке душевного исцеления. На душе у нее лежал тяжелый серый булыжник вселенского горя. Было обидно, горько, а еще было страшно писать о сапогах маме. Как же она, бедная, расстроится!!!

Арина и Лера безмятежно спали. Верочка лежала в кровати и обреченно разглядывала опухшими от слез глазами трещины на потолке. Трещины издевательски вычерчивали изящный сапожок Апеннинского полуострова.

Верочка с досадой откинула одеяло и на цыпочках, чтобы не разбудить соседок, по-

дошла к Лериной кровати. Она достала из коробки сапог и тоскливо провела рукой по сверкающей поверхности малинового чуда.

«А может, ходить в расстегнутых? — подумала она. — Брюки сверху — кто там увидит, застегнуты сапоги или нет?»

Верочка вернулась к своей кровати, села, затем засунула босую ногу в теплую полость сапога и потянула за собачку. Музыкально скрипнув, собачка доехала до самого верха. Верочка потрясенно смотрела на ногу в сапоге.

«Может быть, просто голенища разные: левый — шире, правый — уже?» — замирая от волнения, подумала она, затем слетела с кровати и, уже не боясь разбудить девчонок, неуклюже поскакала на правой, необутой ноге к кровати однокурсницы.

Молния на правом сапоге застегнулась так же легко, как и левая.

Лера и Арина проснулись от громкого пения Верочки и с ужасом уставились на соседку. Взъерошенная, в ночной рубашке и малиновых сапожках на босу ногу, та отплясывала посреди комнаты.

— Верочка, с тобой все в порядке? — испуганно спросила Арина.

— Их кто-то побрил, вот голенища и похудели!!! — пропела та.

— Что сделал? — Лера посмотрела на Арину и незаметно для Верочки pokrутила пальцем у виска.

— Кто-то срезал мех с внутренней стороны сапог, — засмеялась счастливая Верочка. — Признавайтесь, ваша работа?

Девушки переглянулись.

— Может, ты ошиблась? Ну-ка, дай сапог сюда.

Верочка с готовностью стащила правый сапог с ноги и протянула Арине. Сама уселась рядом, на кровать подруги.

— Точно, сначала ножницами стригли, а потом бритвой прошлись. Лер, твоя работа?

— Не-а! Мне бы и в голову такое не пришло!

— А кому-то пришло, — радостно засмеялась Верочка, разглядывая ногу, обутую в сапог.

— Девочки, я знаю, кто это сделал! Ангел! Сегодня же Рождество! Ангел, точно ангел!!! Мне бабушка о них рассказывала. — Арина посмотрела на заснеженное окно, будто ожидая, что в нем немедленно возникнет виновник счастливого происшествия.

— Ночью ангел прилетел, ангел тот — сапожных дел, — продекламировала Лера, картинно помахивая уголками простыни, словно крыльями.

— Сапожных дел ангел... Ха-ха-ха! И ножницы где-то достал, и бритву! Кстати, кто из мальчишек бреется? — спросила Верочка.

— Белоцерковский, только на роль ангела этот пошлый тип точно не годится!

Словно услышав, что о нем говорят, в проеме двери появился Олег. Девушки завизжали и натянули простыни до подбородков. Верочка метнулась за шкаф.

— Девчонки, дайте сковородку и соль, — заканючил «пошлый тип». — А чего это у вас с утра пораньше дверь нараспашку?

— Лер, Арин, кто из вас ночью выходил в туалет и дверь за собой на ключ не запер?! А то ходят тут всякие, а потом сковородки пропадают.

Верочка, уже облаченная в халат, вышла из-за шкафа. Она невозмутимо взяла из Ариных рук сапог и, надев его на ногу, победно застегнула молнию до упора.

— Опля!!!

— Чудеса иллюзиона! — удивленно раскрыл рот Олег. — В чем фокус? Вы что, в цир-

ке слона взяли напрокат — чтобы сапоги разносил?

— Гиппопотама, — засмеялась Верочка.  
— А чего это ты один? Где твой верный Санчо Панса?

— К медичке пошел, у него какие-то пузырьки на пальцах повыскакивали и воспалились.

— У этого чудика все не так, как у людей. Если не лбом об пенек, так пеньком об лоб, — сказала Верочка и, обращаясь к Белоцерковскому, добавила: — Вот соль, вот сковородка. А теперь иди, куда шел. Мы в Измайлово поедем. Гулять. Правда, девочки? Обновим мои сапоги?! А потом на Арбат... Кстати, а кто из вас все-таки дверь не закрыл?

...Сапоги прослужили своей хозяйке почти четыре года. После выпускного девушки устроили пышные «похороны» малиновым сапожкам на берегу Химкинского водохранилища. Посидели, помолчали, вспомнили «сапожную» историю с бритьем.

— А сапоги ведь точно ангел постриг, — сказала Арина, — больше некому. Замок я тем вечером своими руками закрыла, ключ на стол положила, а утром дверь открытой оказалась, хотя ни ты, ни Лера в туалет не выходили. Значит, все-таки ангел...

— Я лично сомневаюсь, что ангелы существуют, — сказала Верочка, — а ты?

— А я — нет, — рассеянно ответила Лера.

...Прошло больше тридцати лет. Подруг разбросало по городам, адреса потерялись, телефоны забылись. Однажды Лера, ставшая к этому времени дважды мамой и трижды бабушкой, нашла на сайте «Одноклассники» Арину. Та жила в Астрахани, работала заведующей отделом культуры. Подруги принялись энергично общаться по «аське».

— А помнишь ту странную историю с сапогами? — однажды написала Лера Арине.

— Я до сих пор гадаю, кто их тогда побрил. Признавайся, в роли ангела все-таки была ты?

— Не я. Но знаю, кто.

— Неужели Олег?

— Женька.

— Женька?! Этот затюканный апостол?

— Он не апостол. Он, Лера, в Туле священником был. А два года назад его в собственном приходе зарезали отморозки. Охотники за иконами. А Женька... то есть отец Евгений, святой человек, их словом Божиим остановить пытался... да только не получилось. Кстати, прихожане его «светлым ангелом» называли.



Бандитов потом поймали. Одного сокамерники приговорили, другой вроде раскаялся и теперь грехи в тюремной часовне замаливает. Я об этом недавно узнала. От его соседа по комнате, Ильи. Мы с ним летом в Эмираты вместе летели. Разговорились, юность вспомнили. Вот он мне все и рассказал. Женька той ночью сапоги из нашей комнаты утащил, — замки на дверях почти у всех одинаковые были, — и до утра мех тупыми ножницами выстригал, а потом Илюхиной бритвой брил. Под утро сапожки назад принес, а дверь закрыть забыл.

— Так это у него от ножниц пузыри появились?

— Да. Пузыри загноились, и Женька потом долго руки лечил. Да, самое главное — он ведь в нашу Верочку, оказывается, все четыре курса тайно влюблен был. А когда она после диплома замуж за москвича вышла, Женька в монастырь ушел. Надел шинель, в которой в дипломном спектакле играл, вещи завернул в реквизиторский флаг, так с кумачовым узелком и ушел... Вот такой вот... был ангел.

— Сапожных дел ангел, — вспомнила Лера. — Странно, что мы не догадались тогда. Ведь все было так очевидно.

— А он бы все равно не признался. Он ведь такой был... деликатный.

— А с Верочкой ты не встречалась?

— Встречалась. В прошлом году в Москве была проездом. Через знакомых нашла ее номер телефона. Позвонила. Она меня в своем кабинете... гм... приняла. Крутая бизнес-леди. Фотографии показала. Толстый муж. Толстые дети. Толстый кот. В общем, жизнь удалась, все прошло без следа. Как в песне Визбора.

— В жизни ничего без следа не проходит... Только вот следы бывают разные. Точно знаю. Так ты, Ариша, не пропадай. С Рождеством тебя!

— Ты, Лерик, тоже не исчезай! С Рождеством!

Лера выключила компьютер, долго смотрела в окно, словно ожидая, что за стеклами появится чья-то призрачная тень с едва заметными очертаниями крыльев... За окнами белым пчелиным роем то вверх то вниз озабоченно метался запоздалый рождественский снег. Лера взяла шариковую ручку и уверенно написала на листе бумаги: «Зимой 1976 года общежитие Московского института культуры на Левобережной посетил ангел...»

## ТРАНЗИТНОЕ СЧАСТЬЕ

Крымск — южный провинциальный городок. Поезда останавливаются здесь всего на пять минут, которых едва хватает на то, чтобы добежать до нужного вагона и вскарабкаться по крутым железным ступеням в тамбур.

...Александра Сергеевна маялась на перроне уже больше часа. Поезд на N-ск опаздывал, диспетчер невнятной скороговоркой что-то объясняла пассажирам, изнывающим от июльской духоты. Над перроном плыло горячее густое морево.

«Еще немного, и начнут появляться миражи, как в пустыне», — зверея от жары, пота и томительного ожидания, подумала Александра Сергеевна.

В этот момент толпа заколыхалась. Загорелые дочерна торговки, подхватив свои ведра с помидорами и яблоками, деловито засновали по перрону.

Редчайшее везение: нужный вагон остановился прямо перед Александрой Сергеевной.

Женщина нашла глазами окно второго купе, невольно улыбнулась: «Ну, вот, будет в купе две невесты и ни одного жениха».

За пыльным окном вагона мерцал цветок, усеянный белыми звездочками. Такой же цветок когда-то подарила двадцатилетней Шурочке на свадьбу бабушка. У цветка было прелестное название: «невеста». Он поселился в их с Ильей первом гнездышке — маленькой съемной комнате на окраине города. Только это было очень давно. Очень... Тогда время летело не так быстро и не так больно ранило...

Проводница спускаться на перрон не стала. И не удивительно. В своей форменной узкой юбке она бы не сумела забраться обратно на эту адскую трапецию. От нижней ступеньки до земли было около метра.

Александра Сергеевна легко взлетела на площадку, оставив позади тучную даму с двумя баулами и полуметровой пальмой, торчащей из пакета.

Поезд постоял полминуты, затем плавно тронулся и деловито застучал колесами. Постепенно затихала посадочная суэта.

Новоприбывшие пассажиры зашуршали пакетами с едой, сторицей вознаграждая себя за томительное ожидание на перроне.

Александра Сергеевна поставила сумки в свободный рундук, погладила белые невесомые звездочки «невесты», затем забралась под потолок. В кассе женщина всегда просила продать билет на верхнюю полку. Оттуда она любила наблюдать за людьми, уплывающими на станциях-кораблях с удивительными названиями. Любила провожать глазами перетекающие из одного в другой холмы.

«Как хорошо!» — улыбнулась Александра Сергеевна, подставляя лицо теплему ветру, пахнущему скошенной травой, яблоками и еще какими-то тревожными запахами из детства.

Стукнула дверь. В купе вошли парень и девушка.

«Должно быть, молодожены, — подумала Александра Сергеевна, — и как похожи друг на друга! Так похожи бывают только влюбленные».

Молодые недовольно посмотрели на Александру Сергеевну, небрежно поздоровались и, кажется, сразу о ней забыли.

«Господи, — думала Александра Сергеевна, с легкой завистью поглядывая на них, — ведь они просто светятся от преизбытка любви. Кажется, поднеси к ним два провода, присоединенных к лампочке, она просто взорвется. Какие они наивные и в то же время мудрые! С каким превосходством они взирают на окружающий мир, который для них — лишь декорация к их космической любви!»

Мир этих двоих определенно делился на две части — они и остальные. Остальные — это, разумеется, Александра Сергеевна. Чтобы не нарушать идиллию, она по несколько часов сидела в коридоре возле окна или пила чай с добродушной проводницей Верой — той самой, в форменной юбке.

Поезд летел, обгоняя время, дважды сменились часовые пояса, и если на юг Александра Сергеевна приехала, по ее расчетам, за тридцать восемь часов, то обратная дорога почему-то оказывалась на четыре часа длиннее. И с логикой, и с математикой у Александры Сергеевны было плохо — точнее, никак, поэтому она прекратила ломать голову и принялась думать о том, как себя чувствует оставленный у Ольги сибирский кот Томас. Уезжая, она, как всегда в таких случаях,

попросила давнюю подругу приютить животное, та как всегда согласилась. Она даже предложила встретить Александру Сергеевну на вокзале, когда та вернется с юга. Александра Сергеевна спорить не стала, решив, что кроме сумки с вещами ей все равно придется тащить авоську с абрикосами.

Потом ее мысли вернулись к белому цветку в купе, и Александра Сергеевна вспомнила, как Илюша фотографировал ее на фоне «невесты» и как они расстроились, когда соседская кошка погрызла зеленые листья у цветка. А «невеста» все-таки выжила. Еще несколько лет она цвела нежным белым облаком, до тех пор, пока Александра с мужем не получили квартиру в центре и не съехали, оставив цветок хозяйке квартиры, Варваре Петровне. А еще через три года Илья, пряча глаза, собрал свои вещи и ушел к другой женщине, совсем не похожей на Александру...

«Зря “невесту” у Варвары оставили. Как знать, может, с цветком там оставили свое счастье», — вздохнула Александра Сергеевна, покачиваясь на нижней полке напротив влюбленной пары и нетерпеливо поглядывая на часы. Через час поезд выпустит ее на волю в N-ске и помчится дальше, развозя

оставшихся пассажиров по их родным городам.

«А у этих ребят все впереди. Только бы сохранили они свою любовь. Уж очень хрупкое это чувство, от лжи и предательства стораёт дотла», — подумала она.

Александра погладила шелковистую белую звездочку. Ей вдруг почудилось, что если она поцелует цветок — все каким-то непостижимым образом вернется в исходную точку — в день, когда...

— Сдавайте белье, подъезжаем к N-ску, — услышала она и принялась суетливо собираться. Парень тоже укладывал вещи в большой чемодан, деловито рассовывая по наружным отделениям сигареты, расческу, портмоне. Девушка безучастно глядела в окно и обрывала лепестки с белого цветка.

Вот, наконец, знакомый перрон, тот же самый унылый дождик, который провожал Александру Сергеевну на юг, и хрупкая фигура Ольги под большим черным зонтом.

Ольга дежурно чмокнула Александру Сергеевну в щеку и, подхватив одну из ее сумок, засемила к зданию вокзала, аккуратно обходя лужи. Александра Сергеевна шагнула следом.



— Па-а-ап!!! — внезапно услышала она и оглянулась. Возле вагона с чемоданом у ног стоял ее сосед по купе, а к нему, разбивая лужи на сотни мельчайших осколков, бежал мальчуган лет пяти. Следом быстро шагала молодая женщина в розовом плаще с капюшоном. Мальчик подбежал к отцу. Тот подхватил его на руки. Затем ласково обнял подошедшую женщину и поцеловал ее в губы. Она доверчиво прижалась к плечу мужа. Ее удлиненное лицо с большими серыми глазами напомнило Александре Сергеевне лик какой-то великомученицы с бабушкиной иконы.

— Пап, а ты мне краба привез? А моря в бутылке? А пальму? А у меня зуб выпал, и еще — у нас в садике тараканов морили, — тараторил мальчик, тормоша отца и радостно брыкаясь у того на руках.

Поезд кляцнул колесами, дернулся и поплыл. Александра Сергеевна посмотрела в сторону своего купе. В сером сумеречном свете дождливого утра цветок за окном выглядел безжизненно и жалко. Его поблекшие звездочки были похожи на искусственные цветы из бумаги, облитой воском, те, что продают бабушки возле кладбищ.

За цветком мраморно белело лицо девушки, ее напряженные ладони, казалось, были вплавлены в оконное стекло.

Женщина на перроне неожиданно обернулась. Глаза соперниц встретились. Вагон проплывал мимо, должно быть, целую вечность, наконец занавеска с синими буквами задернулась.

Александра Сергеевна догнала подругу, и они синхронно зашагали по мокрому перрону, все дальше и дальше удаляясь от счастливого семейства.

...Безразлично моросил давно привыкший ко всему дождь.

## НЕОБЫЧНАЯ КЛИЕНТКА

Каждый месяц пятого числа она появлялась на пороге парикмахерского салона «МОДО» — самого дорогого заведения в городе. Суетливо раздевалась, вешала свое старомодное пальто в угол, подальше от песочных шуб и курток из стриженной норки. Дожидалась, пока освободится Алена — полная жизнерадостная блондинка, садилась к ней в кресло и напряженно замирала. Когда Алена, уложив редкие старухины волосы мелкими волнами, снимала с ее плеч капроновую пелерину, клиентка смущенно и многословно благодарила Алену и семеня к выходу, оставляя на столе деньги и шоколад «Аленка».

Мастера первое время с недоумением переглядывались, хмыкали, крутили пальцем у виска, но через год привыкли к странной посетительнице и, если она почему-то запаздывала, начинали подтрунивать над Аленой.

— Что-то твоя таинственная клиентка задерживается. Может, у старушки «порше» сломался? Или другого мастера себе нашла?

— Ален, а может, она подпольная миллионерша? Я читала, одна старуха милостыню просила, потом умерла, так у нее в матрасе миллионы нашли. Представляете, помрет Аленина бабулька, завещает ей любимую подушку, а внутри — бриллианты!

Алена добродушно посмеивалась, но каждый раз, усаживая старуху в кресло, недоумевала, почему та приходит именно к ним. Ведь в салоне «Чаровница», который находился неподалеку, цены были в пять раз ниже. По внешнему виду посетительницы можно было догадаться, что она едва сводит концы с концами. Но та уходила с такими сияющими глазами, что Алена в конце концов перестала ломать голову над этой загадкой и уже бездумно убирала оставленную старухой шоколадку в сумочку. Сладкое Алена не любила, шоколад она относила сыну Тимке.

...В начале марта снег в городе наконец начал таять, обнажая неопрятные прогалины, усеянные прошлогодними окурками, бумажками, собачьими экскрементами.

Алена проводила очередную клиентку, подошла к окну и прижалась лбом к запотевшему стеклу. На душе было беспокойно.

«Должно быть, заболеваю, — подумала Алена. — А может, просто устала. Когда же я в отпуске-то была? В прошлом году... ну да, в квартире ремонт делала. Только разве это отдых?.. Вот бы уехать в деревню, — вздохнула она, — поселиться в маленьком доме у леса, завести кур, кроликов, козу».

Она вспомнила, как в детстве родители возили ее к бабуне — матери отца. Как Аленка наперегонки с соседскими мальчишками носилась босиком по теплой дорожной пыли, которая замечательно пахла лошадьми и клевером. Как бабуня доила комолую козу Дашку, а та влажно подбирала с Алениной ладони крошки черного хлеба. А еще бабуня часто покупала внучке шоколад «Аленка» и приговаривала, что шоколадно-конфетный художник рисовал портрет девочки с ее внучки.

Алена охотно верила бабуне и хранила обертки с «портретиками» в жестяной коробочке.

Родители развелись, когда ей было семь лет. Еще некоторое время отец забирал доч-

ку на выходные. Они ездили к бабуне, втроем ходили за грибами. Алена вспомнила, как нашла сразу три гриба — два белых и подосиновик.

Потом мама вышла замуж за дядю Колю, и встречи с отцом и бабушкой разом прекратились. На расспросы дочери мать раздраженно отвечала, что отец переехал в Архангельск, что бабушка продала дом и уехала вслед за ним. А ей, Алене, незачем думать о людях, ставших ей совершенно чужими.

Алена со временем привыкла к мысли, что отец и бабуня о ней забыли. Она и сама все реже вспоминала о них, а вот сегодня отчего-то заныло сердце. Захотелось, как в детстве, уткнуться бабуне в колени и, замирая от волнения, слушать ее рассказы о Коньке-Горбунке, который живет у хромого кузнеца Федора, или о том, что злая горбатая Ключиха на самом деле — заколдованная принцесса и уже сто лет ждет принца, чтобы тот ее расколдовал.

Она вспомнила большого дурашливого пса Мухтара, который с лаем гонял по деревне кошек или дремал в тени колодца в саду.

Алене к колодцу подходить не позволяли. Бабуня говорила, что там живет «колодезная старуха», которая хватает непослушных детей

и утаскивает в свое студеное царство. Только Алена все равно тайком бегала к колодцу. Плюнуть на «колодезную старуху».

«Что же это со мной такое? — недоумевала Алена. — Ни с того, ни с сего расчувствовала. Или на меня так весна действует?»

— Ален, а где ж тв бвбуля, твоя клиентка? — спросила ее Тамара. — Сегодня ведь пятое.

«И правда, — подумала Алена. — Где моя старушка? Может, ей нездоровится, вон что с погодой творится — у здоровых людей давление скачет, что уж говорить о пожилых...»

До вечера Алена ходила сама не своя. Она даже вышла с Тамарой на улицу покурить, хотя к сигаретам не прикасалась уже полгода.

Старуха в салон не пришла. Не появилась она и на следующий день, и через день.

В субботу Алена позвонила матери.

— Мам, ты не помнишь, как называется деревня, в которой бабуня жила?

— Что это вдруг на тебя нашло? — недовольно спросила мать. — Не помню и вспоминать не хочу. Ты что, ехать туда собралась? Нечего тебе там делать!

— Мама, мне двадцать семь лет. Я давно сама решаю, что мне делать, а что нет, — вспыхнула Алена. — Так ты скажешь, как деревня называется?

— Кислые Ключи, — ответила та и бросила трубку.

Уложив сына спать, Алена достала карту области.

«Вот они, Кислые Ключи, — удивилась она. — Надо же, всего-то в трех часах езды от города».

На следующий день в салоне был выходной. Алена попросила соседку посидеть с Тимкой и отправилась на автовокзал. Автобус шел до Корнакова, делая остановку в Кислых Ключах.

«Куда я еду, зачем? — запоздало спрашивала себя Алена, провожая взглядом мокрые деревья, подслеповатые бревенчатые домишки. — Что я там потеряла? Что собралась искать? Следы детства? Колодец с «колодезной старухой»? Мухтара? Бабушкин сад? Ничего и никого уже давно нет. Так почему же меня туда так потянуло? Зачем мне нужно это позднее разочарование?»



«Кислые ключи — стоим десять минут», — объявил водитель.

Алена вышла из автобуса и огляделась.

— Кого-то ищете? — спросила ее молодая женщина. Объемная китайская куртка не скрывала округлившегося живота.

— Никого, — ответила Алена. — А впрочем... здесь когда-то жили Парамоновы... вы не знаете, где стоял их дом?

— Почему не знаю?! Знаю. — Женщина с нескрываемым любопытством оглядела Алену с ног до головы. — Дом-то и сейчас стоит. Куда он денется! Вон синий штаткетник, видите? Во-он, рядом с колодцем. А чуть дальше — дом. Я могу вас проводить...

— Спасибо, не надо, — перебила словоохотливую женщину Алена, повернулась и быстро зашагала по обочине раскисшей дороги.

Калитка была отворена. Алена зашла во двор и поднялась на деревянное, потемневшее от времени и дождей крыльцо.

— Есть кто дома? — громко спросила она и побарабанила костяшками пальцев по фанере, которой была обита дверь.

— Сейчас-сейчас. — Дверь, заскрипев, открылась, в проеме показалась невысокая старушка в сером платке. — Вы к кому?

— Простите, — нервно теребя воротник куртки, проговорила Алена. — Здесь раньше Парамоновы жили...

— А-а-а, вот что. Вы, видать, к Шуре Парамоновой? Так опоздали, голубушка. Она...

— Умерла? — одними губами проговорила Алена.

— Да бог с вами, — всплеснула руками та. — Живехонька. Вы проходите в дом, проходите. А вы кто ж ей будете-то? Знакомая, должно быть? Простите, не признаю, очки куда-то задевала, без них как сова... Старость... Осторожнее, тут порожек высокий.

«Правда, высокий... Мы с бабуней на нем по вечерам сидели, сверчков слушали, — подумала Алена. — Только тогда он был выше... Стерся, должно быть...»

— Вот Шурина комната. А я в соседней живу, — не умолкая, журчала старуха, но Алена ее уже не слушала.

...Кровать, застеленная синим тиковым покрывалом, подушки под кружевной накидкой. Этажерка — таких уже давно не делают; маленькая Алена однажды опрокинула хруп-

кую конструкцию вместе с каменными слонами... А вот и слоновье семейство, — надо же, сохранилось!»

Значит, ни в какой Архангельск бабуня не уезжала. Но почему мама так упорно твердила, что бабуня и отец Алену бросили и забыли? И почему та ни разу не приехала к ним, не дала о себе знать? Неужели мама так обиделась на отца, что отомстила ему и бабуне, вычеркнув их из своей и Алениной жизни?

Алена подошла к зеркалу.

И трюмо то же самое, только потемнело по краям, должно быть амальгама осыпалась...

На подзеркальной полке стояло несколько фотографий. На трех снимках была она, Алена.

Вот на этом ей четыре года, фотограф снял ее у дома бабуни, на качелях... А вот на этой Алена — семиклассница, фотография висела в школе на Доске почета — потом куда-то пропала. Алена тогда решила, что фотку сорвал с доски Сережка Горюнов — он был в нее влюблен стретъего класса... А это — недавняя, самая любимая фотография — у новогодней елки, с Тимкой. Фотография исчезла с Алениного рабочего стола два месяца назад. Она очень

переживала и никак не могла понять, кому из коллег могла понадобиться ее фотокарточка.

А вот еще один снимок. Черно-белый, нечеткий, наверняка сделанный очень давно. Строгая старушка в темном драповом пальто стоит возле дома и напряженно смотрит вдаль, словно ждет кого-то. И лицо у старушки знакомое... Бабуня...

— А Шура только вечером приедет.

Алена вынырнула из своих мыслей и посмотрела на хозяйку.

Та споро накрывала на стол.

— Чайку попьете? Мы ведь с Шурой-то уже лет пять вдвоем живем. Так веселее. Мы же с детства подружками были. Сын у нее в Архангельске, пишет редко, да и приезжал только раз. А в городе у Шуры — внучка Аленушка. Она выучилась на хорошего парикмахера и Шуре всегда модную прическу делает. Говорит: «Ты, бабушка, у меня красавица, просто королева!»

— Бабуня... — рассеянно проговорила Алена.

— Что?

— ...И ведь мне даже в голову не приходило... — задумчиво продолжала Алена, вглядываясь в черно-белый снимок.

— Ой! Погодите! Вы же Аленушка? Что же вы мне сразу не сказали! Вот беда-то. Разминулись вы с Шурой. Она ведь пятого-то поехать не смогла, разболелась, и так переживала, что вы волноваться будете. Вот сегодня собралась и поехала в город.

— Да. Действительно. Разминулись мы. Спасибо вам. Я поеду, может, еще успею...

Алена положила фотографию на трюмо и быстро вышла из комнаты.

Она не помнила, как добралась до шоссе, поймала попутку, как просила водителя ехать быстрее. Очнулась только возле закрытой парикмахерской...

«Боже, как глупо! Наверное, надо было остаться в Кислых Ключах, — огорченно думала Алена, шагая по скверу. — Ну куда я понеслась как ошпаренная! Где ее теперь искать?..»

Она свернула на аллею, ведущую к дому, и остановилась, словно налетев на невидимую преграду...

На скамейке, неподалеку от дома, неподвижно сидела маленькая худощавая старушка в пуховом платке и неновом драповом пальто. Алене показалось, что сидящую на скамейке старушку она видела здесь доволь-

но часто, но не обращала на нее внимания. Так люди не обращают внимания на привычные вещи — старые тополя у дома, столбы с объявлениями, клумбы под окнами.

Алена подошла к скамейке и остановилась в нерешительности. Старушка повернулась к ней и улыбчиво засияла всеми своими нестрогими морщинками. А светло-голубые, совсем молодые глаза смотрели так знакомо и ласково.

— Здравствуй, бабуня, — тихо сказала Алена, глядя на родное лицо. — Я по тебе очень соскучилась... Пойдем домой. Мы попьем чаю, и я тебе сделаю самую роскошную прическу. А потом ты нам с Тимкой расскажешь о том, как прекрасный принц расколдовал старую горбатую Ключиху, а Конек-Горбунок вырос в прекрасного волшебного коня. И все они жили долго-долго и никогда не умерли!

## ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ МЕТРО

Ночью в метро поезда поют не так, как в дневные или утренние часы. Ближе к закрытию под куполом метрополитена плавится на одной ноте последний пропадающий звук «и-и-и-нь» — тоскливый, щемящий, предрекающий припозднившимся пассажирам очередную одинокую ночь...

Татьяна не любила вечерние звуки метрополитена. Утром поезда звучали иначе. «У-у-у-м-м-м» — пели первые поезда, деловито, энергично, независимо. Это означало: «Граждане! Наступил очередной рабочий день. Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Комсомольская площадь».

На Комсомолку стекались приезжие с трех вокзалов — Ленинградского, Казанского и Ярославского. Они судорожно втискивались в вагон со своими сумками, баулами и чемоданами, затравленно озирались по сторонам, напряженно вслушивались в объявления,

боясь пропустить свою станцию. Татьяна отвлекалась от очередного душтрепательного романа и начинала придумывать приезжим биографии.

«Вон та опрятная бабуля с двумя клетчатыми китайскими сумками, — думала Татьяна, — наверняка едет к внучке, которая учится в институте... м-м-м... текстильной промышленности. Упитанный гражданин в шляпе, с пухлым, словно сытый удав, портфелем, наверняка приехал на какой-нибудь симпозиум работников сельского хозяйства на ВДНХ. А эта девушка едет к жениху-москвичу...»

За неполный час поездки из пункта «А» в пункт «Б» — от Юго-Западной до Преображенки — Татьяна ежедневно проживала несколько чужих жизней. Своя — блеклая, глупая — совершенно неинтересна. Любимого человека у Татьяны никогда не было. «Да и кто на меня польститесь», — думала она, с отвращением вглядываясь в свое утреннее отражение в зеркале. Толстая, с тусклыми волосами, забранными в пучок, маленькими глазами, белесыми бровями и ресницами, Татьяна, увы, не претендовала на роль красавицы. Гадкий утенок преклонного возраста.



Не путать с лебедем. Так — утка. Жирная тридцатилетняя утка, без личной жизни.

Рабочий промежуток между поездками на работу и обратно — «ежедневную производственную начинку» — Татьяна вообще жизнью не считала. Должность библиотекаря — пусть в столичной, но все же в библиотеке — была пыльной повинностью, не сулящей в будущем ничего хорошего. Ни известности, ни красивого обеспеченного мужа, ни достойного положения. Так, серость, убогость, одиночество...

Но однажды...

Пятничный вечер девятого августа ничего, кроме скучных выходных с традиционным просмотром сериала, не предвещал. Татьяна разложила по стеллажам книги, убрала формуляры, проверила, везде ли выключен свет. Затем помедлила на пороге, прислушиваясь к уже самостоятельной жизни библиотеки, и, позвеневав связкой ключей, закрыла дверь.

В метро было малоллюдно. Татьяна подошла к краю платформы и встала на звезду из цветного гранита, которая длинным лучом обычно указывала на последнюю дверь последнего вагона. Татьяна всегда становилась

в центр звезды и загадывала... так... разные пустяки. А когда поезд подходил к платформе, она делала ровно два шага. Раз-два — и она в вагоне. И ни разу не было такого, чтобы дверь оказалась хотя бы на полметра правее или левее луча.

...Через несколько секунд из туннеля донесся недовольный утробный гул поезда. Состав пронесся мимо, постепенно притормаживая, наконец остановился. Дверь оказалась... на два метра левее луча. Татьяна так удивилась, что чуть не осталась на платформе — в центре своей звезды.

«Сегодня что-то произойдет», — мысленно ахнула она и, задыхаясь от волнения, почти вбежала в вагон.

«Осторожно, двери закрываются», — донеслось из динамика.

Слева от Татьяны уселся лысоватый дядечка в голубой рубашке, с темными пятнами под мышками. Он вытащил из дипломата ветхий томик Пушкина, вытер платком лоб и погрузился в чтение. Напротив устроился небрежно одетый старик, отметивший свое совершеннолетие, должно быть, еще в легендарном Октябре. Еще несколько человек разбрелись по вагону, стараясь устроиться

подальше друг от друга. Татьяна тут же начала придумывать дядечке и старику биографии.

На Комсомольской площади в вагон привычно хлынула толпа пассажиров. На сиденье напротив Татьяны — рядом с «ровесником Октября» — плюхнулся запыхавшийся молодой человек, лет двадцати—двадцати трех. Он положил на колени потертую кожаную папку и скользнул профессиональным взглядом по лицам своих визави. Дойдя до Татьяны, он едва заметно приподнял правую бровь, достал из папки лист бумаги, простой карандаш и принялся что-то рисовать, время от времени бросая на девушку короткие, цепкие взгляды.

«Художник», — догадалась Татьяна на станции «Чистые пруды».

«Меня рисует», — дошло до нее на станции «Библиотека Ленина».

До сих пор Татьяну не рисовали. Да что там, не рисовали! С ней даже никто не знакомился. Никто не заговаривал на улице. Никто не приглашал на танцы. Никто не провожал, никто не... Одним словом, то, что происходило сейчас, было ни на что не похоже...

Юноша, бросив на Татьяну очередной взгляд, снова мимолетно улыбнулся ей и про-

должил свое занятие. Мало-помалу его соседи заинтересовались рисунком. Одни ограничились коротким одобрительным взглядом на лист бумаги. Другие увлеченно наблюдали за таинством появления на этом листе чего-то замечательного. Они с одобрением и, как показалось Татьяне, с легкой завистью поглядывали на нее — «виновницу действия», а она тихо таяла под этими заинтересованными взглядами. «И в душе ее тем временем пели птицы и распускалась сирень». Эту банальную фразу она недавно вычитала у какого-то малоизвестного автора и считала непроходимой пошлостью. Теперь это выражение вовсе не казалось ей пошлым. Напротив — ей почудилось, что заунывный вой метрополитена волшебным образом преобразовался в щебет птиц, а в вагоне неожиданно запахло сиренью.

«Он влюбился в меня, — млея от предчувствия счастья, как утренний одуванчик от первой росы, подумала Татьяна. — Вот он, мой долгожданный принц. Не зря я столько лет его ждала. Не зря берегла себя для единственного! Он, конечно, моложе меня, но это неважно. Есть много примеров, когда жена намного старше мужа, — и что?! Живут — дай бог каждому. Важно, что он влюбился

в меня с первого взгляда. Конечно, влюбился! Разве стал бы он так откровенно — на виду у всех — рисовать меня?»

Если бы кто-то, до этого дня знавший Татьяну, увидел ее в эти минуты, он бы очень удивился — так похорошела женщина. Спина выпрямилась, щеки заалели румянцем, глаза радостно заблестели. Выбившиеся из прически пряди неожиданно закудрявились.

«Он дождется моей станции, — сладко мечтала Татьяна, выйдет следом и предложит встретиться, чтобы «закончить портрет». Наверняка пригласит в гости. Я, естественно, откажусь. Это неприлично. Мы встретимся в сквере у Пушкина. Или нет — у Большого. Он достанет билеты на какой-нибудь спектакль о любви. Потом мы сходим в музей Бахрушина, в Третьяковку, в Исторический. Обязательно съездим в Сокольники, в парк Горького. Через неделю я познакомлю его с мамой. Потом он познакомит меня со своими родителями. Через месяц он сделает мне предложение. Красиво, эффектно, как делают предложения героини романов в мягких обложках. И обязательно подарит кольцо с... да ладно, пусть это будет простое обручальное кольцо, обычная желтая полоска».

«А в свадебное путешествие мы поедem в Сочи», — решила Татьяна, любuясь красивым лицом юноши, с глазами цвета зимней вишни и припухшими по-детски губами. Русые волосы рваными штрихами покрывали скулы и высокий чистый лоб.

Потенциальный жених в очередной раз взглянул на нее, и Татьяна задохнулась от счастья. А «принца», наверное, зовут... Максим. Точно, Максим. И он учится в Художественном. На последнем курсе. Значит, вот-вот распределение. Но можно остаться в Москве. У Татьяны с мамой трехкомнатная квартира на Юго-Западе, места всем хватит. А сынишка родится, так можно из Татьяниной комнаты перебраться в гостиную, поставить там детскую кроватку. А мамин брат, дядя Сережа, в «Березке» сможет достать импортную коляску. А потом они — Татьяна, Максим и маленький Алешка поедут на целый день в Измайловский парк гулять. Нет, пожалуй, на весь день не стоит, вдруг дождь пойдет...

Татьяна нежно посмотрела на будущего отца своего ребенка и доверчиво ему улыбнулась. «Прекрасный принц», не прекращая своего занятия, ответил открытой, искрен-

ней улыбкой. Взгляд на Татьяну — взгляд на лист — и снова на Татьяну.

— Потрясающе, — глядя на рисунок, заметила полная немолодая женщина. Она, кажется, даже забыла, что обе руки у нее заняты тяжелыми гигантскими сумками. — Просто удивительно, как похожа. И такая редкостная красавица!

Она одарила Татьяну доброжелательным взглядом, от которого та запунцовела еще больше.

— Дега! «Голубая танцовщица», — охотно подхватил старик-«октябрист». — Вот оно — настоящее искусство. Это вам не барахло, которое малюют мазилки на Арбате. Это живопись!

«Я его люблю! — мысленно охнув, поняла Татьяна. — Вот как, оказывается, наступает внезапное, нечаянное счастье! Одна поездка на метро — и я уже не та, вчерашняя Татьяна — домоседка, Татьяна-несмеяна, блеклая мышь. Теперь я самая счастливая Татьяна на свете».

«Станция Юго-Западная. Поезд дальше не идет. Просьба освободить вагоны», — равнодушно сообщил динамик.

Татьяна грациозно поднялась со скамьи. «Принц» посмотрел на нее снизу вверх.

Татьяна сделала несколько шагов к двери и вышла на платформу. Юноша быстро встал и, прижав папку с рисунком к груди, направился следом. Татьяна не спеша, с достоинством зашагала к эскалатору. «Принц» шел за ней.

«Вот сейчас, — замирала Татьяна, — через минуту, через тридцать секунд, через пять...»

— Девушка!

— Да? — Голос почти не дрожит. Татьяна приложила максимум усилий, чтобы он звучал спокойно и даже чуть холодно.

— Девушка... вот. — Он протянул ей лист с рисунком.

Сходство, несомненно, было, хотя Татьяна ожидала чего-то большего.

— Нравится?

— Очень.

— Я рад. Сто.

— Что?!

— Сто рублей за портрет. Это для вас дорого?

— Нет, но... — Татьяна почувствовала, как стремительно проваливается куда-то сквозь мраморный пол и, кувыркаясь в ледяной пустоте, летит вниз, вниз... хотя куда ниже-то, и так под землей.



— Видите ли, я не попрошайничаю — у нас вся Строгановка так подрабатывает. Стипендия небольшая, а жить как-то надо. Так вы берете портрет?

— Да-да, конечно. — Татьяна, неловко изогнувшись, достала из потайного кармана сотенную бумажку, которую припрятала, чтобы купить маме подарок — элегантный маникюрный набор. — Вот.

— Спасибо. Если кому-нибудь из ваших знакомых нужен портрет, только свистните. Меня по воскресеньям можно найти на Арбате. Спросите Евгения Карапузова. Меня найдут, — скороговоркой проговорил «принц» и тотчас, развернувшись на каблуках, быстрым шагом направился обратно к платформе.

«Пошел рисовать очередную “Татьяну”, — уже стоя на бегущей вверх лестнице, с обидой подумала Татьяна. — Вот тебе и Максим...»

Она вспомнила свои фантазии и покраснела: «Глупо и грустно... А впрочем...» Татьяна еще раз взглянула на рисунок.

«Дега. Голубая танцовщица», — вспомнила она слова старика.

«А ведь нарисовал он все-таки меня», — неожиданно улыбнулась Татьяна, слушая, как плавится на одной ноте последний пропадающий звук «и-и-и-нь» — волнительный, щемящий, обещающий припозднившимся пассажирам ночь с хорошими, счастливыми снами, в которых все сбывается.

## ЛЕТО ТРЕХ ДОЖДЕЙ

То странное лето Лариса делила на три времени. На три дождя. Первый — страшный, болезненный, дождь-лжец, дождь-предатель, второй — безбашенный, сумасшедший дождь-любовник, а третий...

В начале июня муж Ларисы Максим приехал из командировки — загорелый, веселый, с расцарапанной спиной.

— Представляешь, Лорик, — пряча глаза, рассказывал он, — напились с мужиками и пошли купаться. А потом брюки надевать стал, на ногах не удержался и в заросли шиповника рухнул. Так друзья вдоволь поиздевались, — одесские кошки, мол, отметины оставили.

Только кошка-то, собственно, была одна... Подружка и соседка по лестничной площадке — двадцатилетняя Юлька, которая с самого детства за Ларисой хвостиком бегала,

подражала ей во всем. Эта самая Юлька и ездила с Максом в Одессу: он — по коммерческим делам, она — к мифической школьной подруге.

Когда же это у них началось?

Сначала они все вместе ездили на шашлыки в сад к Юрику — у того с Юлькой было что-то вроде вялотекущего романа.

У нее, Ларисы, никаких подозрений на предмет отношений Юльки и Максима не возникало. Ну, за водой вместе к роднику ходили... долго ходили, так и родник неблизко. В магазин тоже всегда вдвоем отправлялись... Да много всяких мелочей было.

В августе они собрались в Ясногорск, куда каждое лето ездили большой компанией, с палатками, надувной лодкой и гитарой. Повод был самый серьезный: Макс у исполнялось тридцать пять.

Лагерь разбили недалеко от озера. Народу приехало немало, а палаток оказалось только три, поэтому и устроились в двухместной вчетвером: Юрка, рядом Юлька, Максим и она, Лариса. С краю было зябко, но Лариса не любила спать в тесной куче тел, ей необходимо было свое личное пространство хотя бы с одной стороны... Ночью она внезапно про-

снулась. Было еще темно. Тишину нарушало только дыхание спящих да монотонное цвирканье цикад. Лариса лежала, уставившись в невидимый брезентовый потолок, и решала сложную дилемму: вылезать из палатки по малой нужде или все-таки еще час-другой потерпеть. В этот момент муж пошевелился и осторожно расстегнул молнию своего спальника. Затем выбрался из палатки. Следом из брезентового домика неслышно скользнула Юлька. Выстрелила ветка, затем все стихло.

Лариса повернулась на бок и закрыла глаза, пытаясь заснуть. По матерчатой крыше стукнула тяжелая капля, затем другая, третья. Через несколько минут дождик уже монотонно тархтел по брезентухе. Лариса подняла руку и приложила палец к временной крыше... Зябкий ручеек, пробежавший от кисти к подмышке, заставил ее вздрогнуть.

«Черти, зонтик не взяли, — рассеянно подумала она. — Макс, наверное, машину проведать отправился, а Юльке в кусты приспичило... Ну надо же, стоит ночью в палатке подумать о туалете, как тут же появляется нестерпимое желание пробежаться до ближайшего укромного местечка».

Дома, в теплой квартире, Лариса никогда не вставала по ночам, а тут как нарочно...

Стараясь не задеть крышу палатки, она взяла зонт-трость, откинула полог и, ежась от холода и сырости, выбралась наружу. Дождь уже вовсю лупил по траве. Лариса добежала до густого, мокрого кустарника и присела под оранжевым зонтом, издали напоминая гигантский гриб-подосиновик.

«Елки, — вот оно счастье, — с иронией подумала она. — Как все относительно в этом мире. А где же эти гулены? Наверное, в машине решили дождь переждать. А вот я сейчас их напугаю...»

Напевая себе под нос что-то бравурное, Лариса бодро зашагала в сторону старой шестерки. Предутреннее небо зябко провисло над землей тяжелыми, свинцовыми тучами, но в лесу уже светлело. Сквозь плотное марево дождя можно было разглядеть притулившуюся под сосной блестящую от крыши до колес машину. Макс вечером помыл свою «ласточку» озерной водой, а утренний дождь решил продублировать «святое дело». «Верная примета: мыть машину — к дождю», — вспомнила Лариса пророческую фразу мужа и засмеялась вслух. Кстати, удивительное

дело: пока она шла к машине, в голову ей пришло много разных мыслей, словно расстояние до нее было не десять метров, а, по крайней мере, сто пятьдесят.

— «Кто-кто в теремочке живет, кто-кто в невысоком живет», — пропела Лариса и распахнула дверь автомобиля.

...Позднее, когда ей приходилось переживать тяжелые минуты, Лариса твердила себе: «Это ничего, ерунда... тогда на озере было большее. Страшнее было. Была преисподняя... ад! словно медленно-медленно тебя опускают в кипящее масло. И от боли мутится разум! Говорят, такая пытка была очень популярна во времена мрачного Средневековья».

...Ее, конечно, заметили, Макс неуклюже метнулся в сторону, — а только куда из замкнутого пространства денешься? И что-то лепетал, растерянно, жалко, прикрываясь плавками. Вот дурачок, можно подумать, Лариса никогда его голым не видела. После десяти-то лет совместной жизни... И Лариса, теребя ненужный зонт, стояла, смотрела на Макса, а он уже замолчал и только суетился, некрасиво, судорожно. И было так неловко за него, и нужно было, наверное, что-то говорить.

И Лариса сказала бы что-нибудь, лишь бы прервать эту позорную, грязную тишину, но не знала, что именно говорят в таких случаях.

А Юлька, поигрывая перламутровой заколкой, насмешливо смотрела на Ларису своими бесстыжими зелеными глазницами.

Максим снова принялся оправдываться, вытаскивая из-под Юльки джинсы. Потом неуклюже выбрался из машины с запотевшими стеклами, а Лариса все стояла и смотрела ему вслед, пытаясь найти объяснение произошедшему. Потом куда-то долго шла как во сне, плакала, и слезы смешивались с каплями горького, холодного дождя. Она даже не пыталась раскрыть зонт, который машинально волокла за собой. Долго умывалась озерной водой, мучительно пытаясь понять, на каком она свете. Утром ее отыскивали девчонки, которые, оказывается, давно все знали, но не решились ей рассказать, надеясь, что положительный и степенный Максим одумается.

А самое печальное — то, что Лариса уже носила под сердцем своего долгожданного первенца. Десять лет бесплодия — и вот... Она узнала об этом накануне и собиралась сообщить о счастливом событии прямо там, у озера, на дне рождения Максима — подарком.



И вот теперь, в сыром свитере, с мокрыми волосами и ресницами, она сидела на заросшем ржавой осокой берегу и выслушивала свою верную Ольгу, не зная, то ли накричать на нее, то ли поблагодарить за долгое благородное молчание. Оказывается, подруга уже полгода была «в теме» и знала все или почти все, — и природу появления царапин у Максима на спине, и то, что тот снимал для себя и Юльки номера почти во всех гостиницах города или предавался разврату прямо в их с Ларисой спальне.

Домой Ларису отвез Ольгин брат, двадцатитрехлетний студент и владелец допотопной «копейки», у которого тоже образовались какие-то неотложные дела в городе. Ни Максима, ни Юльки в лагере уже не было, и можно было задержаться в Ясногорске еще на пару дней, но Лариса поспешила уехать из этого страшного места, где она в один момент стала «нелюбимой», хотя, скорее всего, уже давно была ею, только не догадывалась. Ник высадил Ларису у подъезда, донес вещи до двери и, помешкав, уехал, а она еще час стояла у квартиры, не решаясь вставить в замок ключ. Наконец все-таки решилась. Мужа дома не было. Появился он только через два

дня. Ждал скандала, но у Ларисы не было ни сил, ни желания скандалить или плакать. Она пустыми глазами смотрела, как он складывает в сумки свои вещи, и молчала. Так вот, молча, они стали сосуществовать. Он приходил ненадолго и снова исчезал. Они не общались — так, роняли: «Закрой дверь», «Выключи свет», «Убавь громкость». Через две недели у Ларисы начала болеть грудь. Визит к маммологу она долго откладывала, не до врачей было.

Врач долго щупал Ларису под мышками, недовольно хмурился, что-то бормотал под нос, затем взял пункцию. Спустя неделю процедура повторилась. А еще через неделю врач дал ей направление в отделение онкологии, со страшным диагнозом «прогрессирующий лимфогранулематоз». Лариса окончательно впала в отчаяние и попыталась старой бритвой мужа перерезать себе вены. Но то ли бритва была тупой, то ли Лариса пилила руку не в том месте, ничем серьезным этот акт членовредительства не закончился. Только порез саднил еще недели две.

Собственно, о смерти она всерьез думала всего два раза в жизни. Первый — когда под колесами грузовика погибла ее одно-

классница, и Лариса, пытливо вглядываясь в смертный образ еще недавно живой девочки, абсолютно без скорби пыталась понять, что та может сейчас слышать или чувствовать... Второй раз — в десятом классе, когда, влюбившись в практиканта, она собиралась наглотаться снотворного только из-за того, что симпатичный студент никакого внимания не обращал на влюбленную в него темноглазую девчушку. Но практикант куда-то пропал, и любовь моментально сошла на нет. А вот теперь костлявая совершенно беззастенчиво маячила рядом с ней, Ларисой. И дни, которые прежде ползли, словно черепахи через бархан, полетели с космической скоростью.

Обхватив руками себя за плечи, Лариса сидела в ледяном, словно карцер, коридоре онкоцентра и с пониманием разглядывала своих — уже каких-то потусторонних — соседей с опрокинутыми глазами.

«"Клуб обреченных", — с горечью думала она. — Можно снять такое телешоу смертников. Будет обвальная аншлаги на радость продюссеру...»

Лариса шла по улице и, завистливо оглядывая прохожих, думала: «Какой счастливчик тот толстяк с банкой пива — он здоров. Ну,

может, у него остеохондроз или геморрой, но он все равно будет жить долго. И эта счастливая старушка протянет еще лет пятнадцать... а меня не будет.... Нет, так нельзя!!! Несправедливо!!!»

Максим ничего не знал, ничего не спрашивал. А Лариса ничего не рассказывала ни про беременность, ни про онкологию. Порой гадала: какое из событий произойдет раньше — роды или?..

А однажды утром, когда она переходила улицу на красный свет, ее сбила маршрутка... Мощным ударом Ларису отшвырнуло с проезжей части на тротуар... Земля и небо поменялись местами, звуки сплющились. Она потеряла сознание. В себя приходила тяжело, но никаких потусторонних картинок — с полетом сквозь сверкающую трубу — не наблюдала, а вот голоса слышала — гулкие, сквозь невнятный шум — без эмоциональных окрасок, металлические голоса, которые говорили о ней. Она хотела вступить в разговор и даже попыталась было рассказать любимый анекдот про ватман для кульмана от дизайнера, но губы не шевелились, глаза не открывались.

«Наверное, я умерла, и слава богу», — равнодушно подумала Лариса и очнулась. Она

знала, что больше не беременна. Странно, но ни страха, ни боли, ни страданий она не испытывала.

Приходили врачи, осматривали ее, Лариса покорно переворачивалась с боку на бок, позволяя делать с собой все что угодно. Тело ей теперь не было нужно. Тело, как и Максим, предало ее и не заслуживало иного отношения. И кто знает, сколько было бы еще Ларисе отмерено недель или месяцев, если бы в середине июля в ее жизни не появился тот самый Ник, который увез ее с озера, лохматый программист, рокер, спорщик, владелец потрепанной «копейки» и престижного «харлея». Ник навестил Ларису в больнице, а когда ее выписали, пригласил покататься на своем «мустанге».

Они летели под черным, беззвездным небом по ночному шоссе, и ливень-разбойник то с размаху лупил по их курткам и мотоциклетным шлемам, то украдкой запускал холодные ладони Ларисе за пазуху.

Через неделю Ник признался Ларисе в любви, еще через неделю она поняла, что сама влюбилась в этого мальчишку.

Ник познакомил Ларису со своими приятелями — такими же безбашенными бунтарями, немного циниками, чуточку роман-

тиками. Потом они все вместе отправились в горы. Долго поднимались по травяному склону, лезли через кусты, отплеываясь от комаров.

Горы открылись внезапно. Серые, неправильные, плоские громадины. Казалось, ребенок-великан сложил каменную пирамидку из стотонных валунов-исполинов. Ларисе помогли забраться на скалу, и она, охая от восторга и страха, смотрела на торжественно умирающее за холмом солнце. А рядом, крепко держа ее за руку, стоял Ник, и волосы у него отливали розовым цветом, как перья у фламинго. Мелкий дождь загнал их в теплую расселину, и они, тесно обнявшись в сухом каменном убежище, шептали друг другу на ухо какие-то глупости и целовались... целовались!

Странный это был период. Лариса не то чтобы забыла о существовании своего блудного супруга, нет, он периодически возникал на горизонте ее новой жизни, несколько раз они пересекались в квартире. Но теперь она уже не ощущала такой пронзительной душевной боли. Она и сама стала другой. Лариса искренне недоумевала, как это она — женщина строгих правил, как она — пуританка,

не признающая в постели никаких лишних движений и слов, вела себя так разнузданно с этим мальчишкой!

Лариса с удовольствием поглядывала на себя в зеркало. В свои тридцать пять она выглядела ровесницей Ника.

Она и Ник сдружились с молодой парой — Ленкой и Виктором — и появлялись всюду уже вчетвером. Витька, как и Ник, был байкером и программистом, а двадцатитрехлетняя Ленка мечтала о карьере фотомодели, но «временно» работала уборщицей в парикмахерской. Одевалась она, как и было положено подружке байкера, в обтягивающий кожаный прикид, злоупотребляла пирсингом и пару раз курила «травку», о чем с гордостью сообщила Ларисе в первый же вечер знакомства. Женщины моментально сдружились, у интеллигентки в седьмом поколении Ларисы и дочери потомственных алкоголиков Ленки неожиданно обнаружилось много общего. Ленка читала запоем, с апломбом критиковала Акунина и боготворила Дэвида Брауна. Однажды она не на шутку испугала Ларису, ввязавшись в драку с пьяной, здоровенной как комод девицей. В это время Витек тусовался в толпе владельцев «ямах», «хонд» и «судзуки»,

пытаясь выменять новые свечи на какую-то дефицитную запчасть. Девица, как и предположила Лариса, прежде каталась с Витьком, на заднем сидении его байка, но, даже получив отставку, позиций своих уступать сопернице не пожелала. Девчонки сцепились так, что растаскивать их пришлось пятерым парням. Вернувшийся Витек обматерил бывшую пассию, а Ленку разукрасил зеленкой из аптечки.

Дивные были вечера. Разговоры по душам, гитара, поездки на байках по ночному городу, вылазки на природу с шашлыками. Лариса принимала эти доставшиеся ей по большому благу минуты блаженства с благодарностью. Однажды Ник увез ее «в джунгли» — в глухую, затерянную в лесу деревушку. Перед этим Лариса позвонила на работу и попросила начальницу дать ей отпуск. Та удивилась, но Ларису отпустила.

Месяц с небольшим они провели у гостеприимного пасечника, который кормил Ларису медом в толстых восковых сотах, заставлял жевать пряную, тающую на языке, цветочную пыльцу.

В конце августа, когда после плановой пункции Лариса вошла в кабинет, пожилой



врач-онколог посмотрел на девушку поверх очков долгим взглядом.

— Какие лекарства вы принимали? — спросил он, шурша ее историей болезни.

— Никаких.

— Ну, может, к целителям ходили... бывает такое.

— Нет, — Лариса отрицательно мотнула головой.

— Странно. Раздевайтесь.

Осмотрев Ларису, доктор рассеянно покрутил на столе шариковую ручку.

— Ну что ж, вашу историю болезни придется сдать в архив.

— Как это в архив? — напряглась Лариса. — Я ведь еще не умерла.

— Ну, это, согласитесь, вопрос времени, — философски заметил врач. — Знаете, один журналист написал в своей статье: «И вообще, на земле стопроцентная смертность». И ведь прав, курилка. Да вы не бледнейте, не подтвердился диагноз. Последняя пункция показала, что вы абсолютно и бесповоротно здоровы. Живите себе спокойно. И дай вам Бог больше в этом кабинете не появляться.

Что было потом?.. Лариса то смеялась, то плакала, одновременно пытаясь проглотить

таблетки валерианы и вытереть ватным тампоном подтеки слез и туши на щеках. Потом она вышла в коридор и, все еще заливаясь легкими, очистительными слезами, уткнулась лбом в грудь своего светлого рыцаря, верного Ника. Он обнял Ларису и увел на свежий воздух, а скорбная очередь проводила пару траурными, абсолютно не то осознающими взглядами.

По лужам неспешно шлепал последний летний дождь. Лариса шла рядом с Ником и с наслаждением вдыхала влажный, марципановый воздух. Она смотрела на прохожих и каждому мысленно кричала: «А я здорова!!! Я тоже буду жить!!! Долго! Счастливо! Я буду жи-и-ить!!! Жить!» Она пила это слово, как прохладную газировку в жару, перекачивала во рту, как карамельку, повторяла на все лады, смеясь и дурачась. А сумрачный город был так великолепен в своей туманной промозглости, что от восторга немел затылок, а на глаза наворачивались слезы.

А потом они целовались под дождем и бредли по лужам, а самый замечательный дождь на свете бережно нес над ними свой серебряный сетчатый зонт.

## ЕЛКА, КОТОРАЯ УМЕЛА ЛЕТАТЬ

*(Рождественская сказка)*

— Купите пихту! — Мальчишка в черном пуховике и больших не по размеру валенках требовательно смотрел на Марусю снизу вверх.

— Спасибо, не надо.

— Ну, тогда ветки возьмите. Бесплатно. Все равно ведь пропадут. Жалко же! Через пять часов — Новый год. — Мальчуган протянул Марусе несколько тяжелых, словно обсыпанных крошечными блестками пихтовых ветвей.

— Берите, берите. — К Марусе подошла женщина с мотком бечевки в руках. — Дома поставите, весь год болеть не будете — в хвое фитонциды. Точно говорю. Веточки неделю постоят, а потом отвар делать будете.

— Ладно, давайте ваши фитонциды, — рассмеялась Маруся, обхватывая свободной рукой нечаянный, пахнущий морозным лесом букет. Она закрыла глаза, вдохнула горь-

коватый, смолистый запах... Запах, который очень хотела забыть, но пока не могла.

...Елку они всегда украшали все вместе — Маруся, Алексей и Антошка. Появлялась лесная гостья в доме неожиданно, вечером тридцать первого декабря. Раздавалось три звонка — два коротких, один длинный. Маруся с Антошкой бежали к двери, распахивали ее. В коридоре, царственно занимая половину лестничной площадки, на металлической подставке стояла елка. Они с сыном вносили елку в квартиру и, священнодействуя, неспешно украшали ее хрупкими старинными елочными игрушками, доставшимися Марусе от бабушки. Потом приходил с работы Алексей. Он удивленно ходил вокруг елки и хвалил внимательного Деда Мороза, который принес им лесную гостью. И все они были счастливы. И казалось, это счастье никогда не закончится. И оно бы, наверное, не закончилось. Если бы не сайт «Одноклассники», на котором Алексей случайно встретил свою первую школьную любовь.

...Он ушел год назад... Взял документы, одежду, фотографии. Сказал: «Прости. Не могу врать. Ты себе найдешь кого-нибудь другого, лучше меня».

«...Всё-всё. Больше ни одной мысли. Ты же дала себе слово», — мысленно упрекнула себя Маруся и решительно зашагала в сторону дома.

Антошка развалился поперек дивана, разложив перед собой невиданное богатство. Сегодня он получил сразу три подарка от трех Дедов Морозов — детсадовского, почтальонского — с маминной работы и всамделишного, правда, невидимого, который, должно быть, проник в комнату через форточку ночью, когда Антон еще спал.

Конфеты лежали строго по кондитерскому достоинству: сначала шоколадные, потом карамель, затем «лединки» и крошечные польские конфетки-ассорти. В стороне — ступеньками — были сложены шесть шоколадок.

Антошка упоенно созерцал свое богатство, прикидывая, с чего начать великое пиршество.

— У-у-у-у, елкины ветки, — насупился он, увидев Марусю с густым букетом пихтовых ветвей. — А елки у нас, что ли, не будет? А раньше, когда с папой... — Он запнулся.

— Смотри, какие красивые веточки. — Маруся присела на диван рядом с Антошкой. — А знаешь, ведь они волшебные...

— Как? — широко раскрыл глаза сын.  
— Честно-честно?

— Честно-честно. Хочешь, я расскажу тебе сказку... — Маруся посмотрела в сторону окна. За кружевными морозными стеклами танцевала метель, уже наряженная в бархатное темно-синее платье с бриллиантовыми блестками. — Хочешь, я расскажу тебе сказку о елке, которая умела летать?

Антошка быстро-быстро закивал, словно боясь, что мама передумает.

— Так вот, — начала Маруся, устраивая зеленые ветки в напольной вазе. — Это было давно, когда нас с тобой еще не было на свете.

«В иглисто-морозный вечер, последний вечер уходящего года, в городке, занесенном снегом, было зябко и безупречно чисто. Худой студент в больших залатанных валенках торопливо пробирался по сугробам, освещенным светом редких фонарей. Под мышкой он нес елку, которую накануне тайком выкопал в лесу неподалеку от города. Корни дерева были обмотаны бумагой, а сама ель крепко перевязана шпагатом.

В окнах мигали елочные гирлянды. Дети загадывали желания и украдкой старались заглянуть в замочные скважины плотно

закрытых дверей. Им до вечера запретили появляться в комнатах, где стояли пахнущие лесом и смолой ели. На темно-зеленых ветках пыжились снегири из цветной клееной ваты; позванивая, качались покрытые позолотой сосульки; возле макушки крутились на ниточках пузатые зеркальные шары. И в каждом доме, под каждой елкой, среди сугробов из золотой фольги были спрятаны новогодние подарки!

В доме, стоявшем у реки, с раннего утра пахло ванилью, корицей и мандаринами. Золотистый упитанный гусь пыхтел и покряхтывал в гусятнице. Все в этот вечер были веселы и счастливы. Все, кроме маленькой елки, той самой, которую только что принес студент, давно и безнадежно влюбленный в хозяйскую дочку.

Елку небрежно приняли из его рук и отнесли на задний двор под навес, даже не освободив от шпагата. Ведь в одной из комнат уже стояла богато наряженная густая ель с капельками смолы на ветках и жесткими, кисловатыми на вкус иголками. Ель была слишком высокой, и ей обрубали макушку. Дети выпросили «кукольную елочку» и теперь увлеченно играли ею — то растирая вкусно пахнущие лесом иголки в руках и нюхая пальцы,

то представляя с ней кукольный Новый год. А о маленькой, перевязанной шпагатом елке все уже позабыли.

Забыли и о влюбленном студенте, который терпеливо дожидался в коридоре приглашения на праздник, но так и не дождался и отправился в свою холодную комнату праздновать Новый год в одиночестве. А маленькая елка осталась лежать под заледеневшим навесом в компании облезлого рыжего комода, непарного башмака с оторванной подметкой и бака с замерзшей еще в начале зимы квашеной капустой.

Елке было грустно. С надеждой прислушивалась она к праздничному шуму, который доносился из дома. Неужели о ней и в самом деле забыли?

Шпагат больно перетягивал ветки, иголки побелели и ныли. Елка печально вздохнула и поежилась от боли.

— Привет. — под навес порхнул пепельный от саж и снега Воробей. — С праздничком, Елка! У тебя шишка есть?

— Шишки нет, — растерялась Елка. — Я еще маленькая. Извини.

— Да ладно, это я так, для знакомства, — чирикнул Воробей. — А почему ты здесь,



а не там? Ведь все уже давно Новый год празднуют. Хороводы водят. Тебя что, забыли?

— Выбросили, — вздохнула Елка.

— Ага, выбросили, значит, ну что ж, всякое бывает, — посочувствовал Воробей.

Он был очень мудрым воробьем, и удивить его было трудно.

— Значит, шишки у тебя нет?! Ну, тогда, может, летаем?

— Как это, «летаем»? — не поняла Елка.

— Обыкновенно, — встряхнулся Воробей.

— Ты что, никогда не летала?

— Летала... Только очень давно, когда зернышком была. У меня тогда еще крылышки были... вот такие.

Елка попыталась было показать, какой величины были крылышки, но помешал шпагат.

— По-моему, тебе этот шнурок мешает, — покосился Воробей на шпагат. — Хочешь, я его сниму?

— Хочу, — обрадовалась Елка.

Воробей тут же расклевал шпагат, и Елка с наслаждением потянулась и расправила затекшие ветки.

— Ну так что, полетели? — спросил Воробей. — Это просто. Ты смотри на меня

и крыльями... то есть ветками... маши вот так: раз-два, раз-два.

— Полетели, — решила Елка и, энергично взмахнув ветвями, взмыла за Воробьем высоко в небо.

Все оказалось так просто! Словно она всю жизнь только и делала, что летала... Плотный морозный воздух надежно поддерживал Елку под ветви, Воробей, подбадривая, носился вокруг.

Они полетели над белыми, словно засахаренными, крышами, из труб которых поднимался курчавый, вкусный дымок. Ветра не было, он рыскал по старым чердакам в поисках подарков для своего многочисленного ветреного семейства.

Потом Елка и Воробей порхали над сумеречными улицами с подслеповатыми фонарями, играли в салочки, догоняя друг друга. А еще Елка взмывала высоко в небо и, распушив ветви, плавно опускалась вниз, как парашют гигантского зеленого одуванчика.

— Спасибо тебе, Воробей, — наконец сказала она. — Но, знаешь, теперь я все-таки должна вернуться домой, в лес. Я хочу к маме, папе, младшим братишкам. Я так соскучилась по ним! Ты можешь показать туда дорогу?

— Могу, но сначала мне нужно навестить одного друга, — ответил Воробей и шмыгнул вниз.

Елка, не раздумывая, нырнула за ним, на мгновение затерявшись в густом, пушистом клубе дыма.

Воробей подлетел к ветхому дому, заметенному снегом по самые окна, и уселся на подоконник.

— Устраивайся, — гостеприимно предложил он Елке, махнув крылом в сторону высокого сугроба.

— Мне нельзя, — покачала макушкой Елка, у меня пока еще живы корни, и если я коснусь поверхности, то мгновенно прирасту к ней. Навсегда! А меня так ждут дома! Я лучше вокруг летаю.

— Ну, нет так нет, — миролюбиво согласился Воробей. «Цук-цук» — постучал он побелевшим от инея клювом по стеклу. Окно в ту же секунду приоткрыли. Худенькая детская рука бережно высыпала на снег пригоршню сухих крошек. Елка незаметно заглянула в окно и увидела, что за стеклом, на деревянном табурете стоит светловолосая девочка лет пяти, в старом вязаном свитере до колен и разных носках.

— Мама, смотри, моя птичка прилетела нас поздравить, — радостно воскликнула малышка. — Ах, воробышек, я бы угостила тебя сладкими крошками от торта, но у нас нет на него денег. Потому что мама болеет и не ходит на работу. А папу давным-давно заколдовала злая Снежная королева и увезла в свой ужасный холодный замок. И у него теперь ледяное сердце, и он о нас позабыл. Поэтому мама все время плачет и кашляет. Зато смотри, что у меня есть! Я нашла ее на улице, она такая милая.

И девочка поднесла к окну стеклянную банку, в которой стояла помятая, но любовно украшенная бумажными снежинками сосновая ветка.

Воробей ничего не сказал, а девочка продолжала:

— А еще я загадала желание. Чтобы мама выздоровела. Я бы хотела загадать еще одно желание, только это будет нечестно, и тогда совсем ничего не исполнится.

— И какое же это желание? — рассеянно спросил Воробей, склюнув последнюю крошку. Хотя, наверное, он просто чирикнул, но девочка его поняла.

— Мама сказала, что когда моя елочка вырастет до потолка, папа сразу расколдуется

и вернется домой, — поглаживая сосновую ветку, тихо сказала девочка. — Я очень хочу, чтобы она выросла сегодня ночью.

Из глубины комнаты послышался сухой надрывный кашель.

— Ну, лети, птичка, по своим делам, — заторопилась девочка. — Мне нужно напоить маму чаем и дать ей таблетки, которые выписал доктор.

Она прикрыла окно, слезла с табурета и скрылась в глубине комнаты.

— Хорошая девочка, — отвернувшись, смущенно чирикнул Воробей и лапкой смахнул с клюва невидимую соринку. — Добрая. Надо же! «Когда елка вырастет до потолка», — повторил он. — Ну что, летим дальше?

— Летим, — задумчиво ответила Елка.

Они поднялись в воздух и направились в сторону леса, где Елку ждали мама, папа, братишки и любимые подружки. Елка представила, как все удивятся, когда она опустится посреди поляны, как обрадуются ее возвращению. Потом болтливые белки украсят все их колючее семейство грибами, орехами, а сами рассядутся на ветках, как елочные игрушки в домах у людей. Елкина мама будет петь старинные новогодние песни, бра-

тишки будут озорничать, исподтишка покалывая друг друга иголками, а папа... а папа ласково погладит Елку по веточкам, которые еще ноют от гадкого шпагата, и скажет: «Теперь все будет хорошо, милая! Ты проснешься рано утром и увидишь, как все изменится. И мы будем счастливы. Обязательно. Верь мне!»

Елка с Воробьем миновали пустынный сквер, занавешенный плотными синими сумерками, и полетели мимо красивого, выбеленного снегом дома с освещенными окнами. В одной из комнат стояла нарядная ель, на которой висели перевязанные золотыми лентами подарки; сияя, качались старинные елочные игрушки, а вокруг танцевали, смеялись, играли хорошо одетые, румяные дети.

— Знаешь, я вдруг вспомнила об одном важном деле, — смущенно кашлянула Елка, задержавшись у окна. — Ты лети дальше один, мне тут надо...

— Ну, надо так надо, — беззаботно согласился Воробей. — Так я полетел! Передай привет братишкам. Как-нибудь прилечу за шишкой! Угостишь?

— Непременно, — ответила Елка. — С Новым годом!

Воробей скрылся в темноте, а Елка вернулась к заметенному снегом старому дому. Окно, к счастью, оказалось незапертым.

Елка прижала ветки к стволу и скользнула в комнату. На диване, тесно прижавшись друг к другу, спали молодая, но измученная болезнью женщина, и девочка, которую Елка видела в окне. Время от времени женщина хрипло кашляла, и тогда малышка гладила маму по руке и что-то шептала спросонок.

Елка огляделась. Старый рассохшийся шкаф, туманное зеркало в темной раме, у изголовья кровати — большая деревянная кадка с землей, в которой, вероятно, когда-то давным-давно рос фикус или пальма, а теперь сиротливо торчала поникшая сосновая веточка. За окном тонко и призывно запела песню новогодняя вьюга, начиная праздничную карусель.

— Ну, вот и все, — прошептала Елка и, бросив прощальный взгляд на окно, расправила корни. Оберточная бумага треснула и порвалась. Елка опустилась на темный островок земли рядом с сосновой веткой и раскинула пахнущие лесом, снегом и смолой ветки над спящими.

«Если я умею летать, то, возможно, умею исполнять желания», — с надеждой думала она, тихо напевая колыбельную, которую когда-то пела Елкина мама ей и маленьким братьям.

И — о чудо! — женщина перестала кашлять. Теперь она дышала спокойно и легко. И даже улыбалась во сне. Девочка тоже улыбалась, словно они обе видели один и тот же счастливый новогодний сон.

А на другом конце города, внутри богатого ледяного замка стоял заколдованный человек и смотрел в окно. В гостиной за его спиной хихикали пышно разодетые женщины, громко хохотали мужчины, звенел рюмочный хрусталь. Словно пытаюсь вспомнить что-то очень важное, заколдованный человек тревожно всматривался в танцующую тень под фонарем, в снежную пыль, которой новогодняя вьюга прилежно посыпала землю, в заметенные по самые кроны березы и пухлые сугробы у забора... Вдруг по щеке человека покатилась слеза. А может, это была смелая снежинка, залетевшая в комнату со двора...

Часом позже потревоженная вьюга огорченно заметала цепочку мужских следов,



убегающих по молочно-белому покрывалу прочь от холодного замка.

...Девочка прерывисто вздохнула и скороговоркой пробормотала во сне:

— Дедушка Мороз, только одно желание... честное слово, только одно, пожалуйста!

— Два, — беззвучно роняя смоляные слезы на старенькую подушку, шептала Елка.

— Два желания. Все будет хорошо, милая! Ты проснешься рано утром и увидишь, как все изменится. И мы все будем счастливы! Обязательно. Верь мне!..»

Маруся замолчала. Антошка крепко спал, сжимая в руке грецкий орех, завернутый в золотую фольгу. За окном хозяйничала новогодняя метель, в окнах напротив волшебного мигали огни елочных гирлянд. Маруся накрыла сына шерстяным пледом и подошла к трюмо.

«Сильно сдала, — огорченно подумала она, — надо встряхнуться. Это ведь не простой Новый год...»

Маруся достала из шкафа синее бархатное платье, которое так нравилось Алексею...

«Ну и пусть, — подумала она, пристегивая к воротнику переливающимся стрекозу.

— Сейчас выпью за наше с Антошкой здоровье, потом посмотрю телевизор. “Надо держать спину”».

«Надо держать спину! — так всегда говорила Марусина бабушка — бывшая балерина. — Надо всегда держать спину, что бы ни случилось. И все плохое быстро пройдет».

«Буду веселиться», — решила Маруся, достала из холодильника бутылку шампанского, беззвучно ее открыла и наполнила бокал.

— С Новым годом, — она чокнулась со своим отражением. — С новым... — Маруся не договорила... Тишину взорвали три звонка... два коротких, один длинный.

На цыпочках она подошла к двери, глубоко вдохнула, пытаясь унять сердцебиение и, помедлив, открыла дверь...

В коридоре, царственно занимая половину лестничной площадки, на металлической подставке стояла елка. На ветвях россыпью мелких бриллиантов переливался умирающий снег, пахло хвоей и мандаринами...

В квартире у соседей начали бить куранты.

Наступил НОВЫЙ ВЕК.

## Содержание

*Н. Капитонова* *Доброго и долгого пути*..... 3

### Новеллы

Подарок от Снегурочки.....	7
Двое под столом.....	21
Джинсы для ветерана .....	37
Лиза, Лизонька, Мона Лиза.....	53
Пусть он немного подождет .....	70
Бабочка на морозном окне.....	74
Третий встречный.....	83
Сапожных дел ангел .....	93
Транзитное счастье.....	107
Необычная клиентка .....	115
Портрет в интерьере метро .....	127
Лето трех дождей .....	139
Елка, которая умела летать (Рождественская сказка).....	155

Крупина Наталья Валерьевна

## **Подарок от Снегурочки**

*Сентиментальные новеллы*

Редакторы *Г. Мюнценмайер, М. Юрина*

Художник *А. Разбойников*

Корректор *З. Новикова*

Компьютерная верстка *В. Феркель*

Подписано в печать 25.01.10 г.

Гарнитура «Палатино Линотайп».

Бумага «Гознак». Печать офсетная.

Формат 70×100 <sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Усл.-печ. л. 6,99

Тираж 1000 экз.

Заказ № 16.

Издательство «Цицеро»

454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ООО «Тираж Сервис»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179